

Михаил Михеев

КОНКИСТАДОР ПОНЕВОЛЁ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил Александрович Михеев

Конкистадор поневоле

Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69966691
Конкистадор поневоле. Роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-159797-9*

Аннотация

Кто только не приходил на Русь. Шведы, немцы, поляки... Нашествия бывали разные, но результат всегда один. Великая страна просыпалась – и тем, кто рискнул прийти на нашу землю с мечом, становилось мучительно больно об этом вспоминать.

Смутное время. Человеческая жизнь не стоит ничего. Все увлеченно режут друг друга. Именно в эту эпоху и попадает наш современник. Обычный человек, никогда не мечтавший о бранной славе. Но он храбр, неглуп, и у него есть, за что бороться. А еще когда-то его учили владеть шпагой. Так почему бы не объяснить излишне наглым завоевателям, что не стоит трогать русских?

Михаил Александрович Михеев Конкистадор поневоле *Роман*

*Гиммлер бяка, Гитлер кака,
поджигателям войны
а-та-та по попке...*

Антивоенный плакат в детском саду

Мы русские, и поэтому мы победим!
А. В. Суворов

*** * ***

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Михаил Михеев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Лязг клинков еще звучал в ушах. И болел бок, по которому пришелся удар тупой учебной сабли. Все же стеганные фехтовальные костюмы для работы с историческим оружием хоть и подходили, но полностью удар поглотить не могли. Тяжелые клинки оставляли на теле преизрядные синяки. Пару дней болеть будет, в этом Семен успел убедиться.

– Поздравляю, тезка. На этот раз ты продержался почти две минуты.

Лапшин, его персональный тренер, здоровенный, будто пережравший анаболиков Шварценеггер, но притом гибкий, как хореk, неслышно подошел сзади и хлопнул Семена по плечу. Эта его манера бесшумно двигаться вначале здорово раздражала ученика, а сейчас ничего, привык.

– Все равно проиграл, – досадливо шевельнул плечом Семен.

– И вот сейчас возникает вопрос: почему? Я смотрел весь бой от начала и до конца. Вышел против четверых. Без особых проблем справился с троими. Полгода назад любой из них тебя уделал бы. А сейчас ты дрался – как пел. А на четвертом, не самом сильном – осечка. Как считаешь, почему?

– Расслабился.

– Вот именно. Рад, что ты это понимаешь. В реальном бою это стоило бы тебе жизни.

– Да полно тебе. Будет ли тот реальный бой? Во-первых, лезть в неприятности я не должен, напротив, моя задача – любой ценой их избегать. А во-вторых, мое бренное тело будут охранять аж десять подготовленных костоломов.

– И что с того? Лучше быть готовым к неприятностям, даже если их и не будет. Ладно, в любом случае ты многому научился. Главное, научился правильно двигаться.

Семен поморщился. Да уж. Что-что, а двигаться, как ему казалось вначале, он умел. Несколько лет занятий фехтованием по классу рапиры – это серьезно. Однако оказалось, что техника, идеально приспособленная для работы на ровных площадках против единственного противника, начинает сбоить, как только местность становится чуть более пересеченной. В схватке же с несколькими обученными работать в команде противниками ее эффективность и вовсе падает, пока работаешь одного, другие живо охватят тебя с флангов и примитивно зарежут. И если сами фехтовальные приемы ему требовалось лишь приспособить под возможные реалии мрачного средневековья, то двигаться Семен учился фактически заново. Хорошо, учили его качественно, и не только фехтованию.

Махнув подопечному рукой, Лапшин двинулся к своим парням. Разнос будет устраивать. И правильно, в общем – не исключено, что кто-нибудь из них пойдет со следующей группой, только не мирным специалистом по технике, а в охране, где стычки с реальным врагом могут оказаться по-

вседневностью. Никто ведь толком не знает, что ждет на другой стороне портала. Беспилотники туда забирались, даже, говорят, разведчики пару раз ходили – и все. Этого хватило, чтобы определиться со временем и местом, не более. Их база, пускай и рассчитанная всего на несколько суток работы, первая серьезная научная экспедиция. И неприятности могут быть любые. А могут и не быть.

Добравшись до коттеджа, который делил с профессором, Семен первым делом нырнул в душ. Все же схватка далась ему куда как нелегко, взмок капитально, чему весьма способствовал желтый солнечный диск, упорно пускающий в сторону их базы свои гигакалории. Конечно, устраивать рукомашество и дрыгоножество в жару – занятие не из приятных, но тренер считал, что неизвестно, в какой ситуации окажешься, вот и пренебрегал погодой, заставляя учиться и в дождь, и в снег. Нормально, кстати, Семен, во всяком случае, перестал чихать от малейшего ветерка и сбросил за эти полгода килограммов десять. Точнее, жира-то выпарил наверняка даже больше, вон, вместо объемистого, наетого на сидячей работе пуза образовалась впадина, под которой, казалось, можно нащупать позвоночник. Однако часть веса позже восполнилась – в плечах набрал, в бицепсах и прочих частях тела, где мускулы играют основополагающую роль.

Короткое полоскание – и пара минут перед зеркалом, рассматривая синяк на ребрах. Да уж, с чувством ему на этот раз врезали. Впрочем, сам виноват.

Тренировок сегодня больше не намечалось, в помещении царила приятная, кондиционированная прохлада, и Семен хотел уже прилечь на койку и почитать чего-нибудь необременительного, благо в планшет накачал много и всякого, как вдруг коротко вякнул динамик в углу комнаты, и скрипучий (не от техники, а от природы) голос диспетчера сообщил, что все участники вылазки ожидаются в конференц-зале. Ну все, прощай, отдых. Мысленно сплюнув и морщась от боли в ушибленном боку, Семен натянул футболку, втиснулся в изрядно потрепанные камуфляжные штаны, благо дресс-код для таких, как они, здесь отсутствовал начисто, и, выходя из комнаты, нос к носу столкнулся с профессором.

Полноватый и лысоватый, профессор был, пожалуй, единственным в их группе, кого не перегружали физподготовкой. Так, легкие пробежки для поддержания формы, не более того. Во-первых, потому что профессору было далеко за шестьдесят, а во-вторых, его задача отличалась от тех, что ложились на плечи остальных членов группы. Не охранять, как здоровякам из конторы, аббревиатура которой так и осталась для Семена неизвестной, и не бегать, взмыленному и выпучившему глаза и свесившему язык от усердия, с аппаратурой на горбу. Нет, самое ценное в профессоре – голова, и он должен был сидеть в центре паутины, получать информацию, анализировать, делать выводы, словом, руководить.

– Сенечка, – профессор, в своей обычной манере, бли-

зоруюко сощурился. – С чего они нам побудку внеплановую устроили?

Спал, похоже, без раздражения подумал Семен, глядя на набрякшие веки и помятую рубашу профессора. Впрочем, подобно многим, тот предпочитал работать допоздна, а недостающие часы сна урвать днем, скажем, после обеда. Так что вполне простительный вид. А вообще – профессор как профессор. Хрестоматийный, можно сказать. В меру упитанный, лысина, обрамленная венчиком курчавых седых волос. Вначале, правда, дико бесила его манера обращаться ко всем подряд исключительно по именам, да еще в уменьшительно-ласкательном варианте, но через какое-то время Семен перестал обращать на нее внимание. Что еще про него сказать? Ах, да, ходок еще тот, и возраст ему не помеха, но данное обстоятельство, скорее, повод для уважения. Неизвестно, каковы мы все будем в эти годы.

– Не знаю, Федор Аркадьевич. Сам только услышал. А персональные доклады – это, скорее, к вам.

– А? Ну да, конечно, – профессор, очевидно, сообразил, что сморозил глупость. – Тогда пойдемте, что ли?

Как будто у них был выбор. Здесь, разумеется, не армия, но приказы к исполнению обязательны. Так что – вперед! Несколько раз провести расческой по отросшим за это время волосам – там, куда они собрались, стричься «под ноль» не принято. Зашипеть от боли – все же неудобные эти лохмы, и зубья расчески дергают их немилосердно. Ладно, хорошо

еще, бороду отращивать не заставили, хотя для полноты образа, может, и стоило. Бейсболку на макушку – и можно отправляться.

Конференц-зал был, как обычно, очень светлым, на удивление чистым и невероятно скучным. В нем не было ничего, способного вызвать клаустрофобию или еще какие-нибудь неприятные эмоции, но и глазу зацепиться тоже не за что. Правда, кресла удобные, а собрались они здесь не видами любоваться, а слушать того, кто Проектом руководил. Или делал вид, что руководил, на самом деле озвучивая мнение истинных хозяев. За время своего пребывания на тренировочной базе Семен этого так и не узнал, да и не стремился выяснять. Все же секретность, особенно если за нее платят хорошие деньги, – великая вещь. И вообще, меньше знаешь – крепче спишь, осознание этой простой истины неплохо отбивает любопытство.

Поприветствовав ребят из группы прикрытия, с которыми у него сложились нормальные, рабочие, хотя и не более того, отношения, Семен плюхнулся на свободное место. Этого добра здесь хватало – народу в рассчитанном на две сотни человек зале собралось всего ничего. Он сам, профессор, десяток «силовики», которым Семен тайком немного завидовал. Им-то, гадам, никто стричься не запрещал, поскольку контакт с местными у них предполагался на уровне «выстрелил-забыл». Ну и несколько техников из тех, что останутся на этой стороне, обеспечивать работу портала. И – все.

Каждый солдат должен знать свой маневр, не менее, но и не более, так что незачем остальным знать, о чем они здесь сообщаются.

Наконец появился и руководитель Проекта. Как всегда, пунктуальный, в элегантном сером костюме и с приклеенной улыбкой на лице. Поднялся на трибуну, щелкнул механическим жестом по микрофону и выдал сакраментальное:

– Дорогие товарищи...

А дальше понеслось. Долго, нудно и вроде как бы ни о чем. Почему был выбран именно такой тип подачи информации, Семен так и не понял. Во всяком случае, он откровенно заскучал уже на третьей минуте, но мозг привычно отсеивал словесную шелуху без участия сознания. В сухом остатке выходило, что начало операции переносится на неделю, и портал будет открыт уже этой ночью. Ну, ничего особенного, в конце концов, Семен прекрасно знал, что точка срабатывания «плавающая», и от оптимальной, рассчитанной с помощью высоконаучной математики, может существенно отличаться. Профессор тоже был в курсе, ну а «силовикам» и вовсе без разницы. Они так, ходячее приложение к автоматам, и всегда готовы на подвиги. Ну, изменилось время – да и пес с ним. Хотя, конечно, неплохо уже то, что сообщили сейчас, а не за пять минут до начала, и нет нужды носиться сломя голову. Еще бы с речью своей заканчивал побыстрее, а то от пафоса уже зубы сводит... Героизм, честь, долг... Да всех их ведут в этот поход совершенно разные морковки и

плетки. Профессора – старые грешки и желание отомстить коллеге. Проговорился как-то по пьяни. Правда, кому точно – не сказал. У Семена все еще прозаичнее – деньги, возможность в будущем занять приличное место во вновь образуемой структуре, немного романтики и защита, которую он получает от недоброжелателей. И от кредиторов в том числе, кстати. Охрана – здесь сложнее, может, и долг с честью, они об этом не распространяются, но у каждого наверняка много за душой. На такие прорывы всегда посылают тех, кого есть, за что зацепить крючком. Так что хватит тереть уши, здесь все не дети, давайте уж делом займемся.

А дел нашлось немало. Теоретически все было готово, а вот практически... Ну, здесь все согласно древней русской традиции. И пришлось в поте лица подтаскивать, подкручивать, подвозить, с тоской вспоминая то время, когда работал в одной американской фирме. Тоже не совсем айс, особенно с учетом быстро портящихся отношений между державами, но вот порядок был совсем иной. И кое-чему у заокеанских конкурентов стоило бы поучиться. Организации работы хотя бы.

Ну да ничего, где наша не пропадала – справились, естественно. Русские, когда прижмет, способны проявлять чудеса изобретательности. А вот этому как раз стоило бы поучиться у них всяким янки с японцами. И к моменту, когда энергия была подана на установку, и засветилось бледно-зелеными сполохами полукружье портала, все они, одетые кто

по-тамошнему, а кому это не требовалось, то и вполне современному, при оружии, выстроились у череды ящиков с оборудованием. Ну, все, крестимся, кому нужно – и вперед!

Желающих проявлять религиозность в такой момент оказалось на удивление мало. Пара ребят из охраны быстро перекрестилась – и все. А потом четверка одетых во вполне современный камуфляж бойцов рванула вперед, чтобы минут через десять передать сигнал – все в порядке, начинайте. А после этого началась работа.

Откровенно говоря, больше всего Семена огорчал тот факт, что портал в высоту едва превышал человеческий рост и ширину имел соответствующую. Так что набить снаряжение в грузовик и перебросить его в одну ходку никак не получалось. Тяжеленные ящики, судя по всему, предстояло кантовать вручную. Правда, вояки его удивили – откуда-то сзади сноровисто подтащили конструкцию из пары легких рельсов, на ящиках оказались колеса точно под размер. Взревела лебедка – и с помощью простенькой талевой системы ящики начали сноровисто отправлять на ту сторону. Получаса не прошло, как все оказалось в точке назначения, хотя наверняка те, кому пришлось этот груз принимать и оттаскивать, сильно вымотались. Во всяком случае, у самого Семена руки, казалось, вытянулись до земли, а ведь себя он слабаком не считал, да и народу с этой стороны работало побольше. Но главное, они справились, импровизированную железную дорогу так же сноровисто убрали, своим ходом загнали ту-

да четверку квадроциклов и отправились сами, чтобы тут же включиться в работу по обустройству лагеря, выставлению сигнализации и распаковке тех самых ящиков. И, когда загорелся на востоке рассвет, все они думали только о том, как бы наконец хоть куда-то завалиться и хотя бы немного поспать.

А вот спать времени пока не было. Хорошо еще охрана смогла без особых проблем разделить вахты, благо народу у них хватало. Оператор разместился с аппаратурой контроля возле уснувшего портала, еще трое заняли позиции, с которых теоретически могли покрошить любого вражину Стимуляторов каких-то нажрались, гады. Остальные завалились спать, а профессор, который ящики не таскал, а только контролировал доставку собственного груза, благополучно занялся этим с самого начала. И только Семену отдыхать было некогда – распаковывал ящики, устанавливал и настраивал свои приборы. Конечно, сборка их была максимально упрощена, а откалибровывали и настроили все еще дома, но проверить лишний раз, прогнать тесты – это процедура обязательная. Вот и возился почти до полудня, а потом еще, навьюченный рюкзаком с датчиками и нажравшийся таблеток, бегал по окрестностям и устанавливал контрольную сеть. Чтобы, значит, профессор, отоспавшись, мог без помех заниматься своими изысканиями. Хорошо еще его неслышной тенью сопровождал здоровяк из охраны, только вот навьючить на него хотя бы часть груза никак не получалось. «Не

положено», и все тут. Оно, конечно, правильно, задача охраны не ходить с занятыми руками, а обеспечивать безопасность, но все равно, когда увесистый мешок придавливает лишними килограммами спину, это неприятно.

Один плюс в этом безобразии, правда, имелся. Семену удалось первому более или менее внимательно осмотреться вокруг, и, надо сказать, его увиденное не впечатлило. Девственная (ну, почти) природа – это неплохо, разумеется, но привыкшему к цивилизации инженеру успели приесться даже те окультуренные заросли, что наблюдались в окрестностях Базы. Так что изрядно захламленный лес, скорее, действовал на нервы, чем их успокаивал. К тому же здесь было куда холоднее, чем дома. Малый ледниковый период, едрит его налево. Правда, и плюс имелся – не упаришься, даже с учетом груза.

А вот и зачатки цивилизации. В смысле дорога. Грязи, конечно, едва ли не по колено – дожди здесь и сейчас идут постоянно, а соединяющие населенные пункты, кое-как укатанные просеки весьма далеки от автобанов. Даже отечественного разлива и даже не отремонтированных. Больше всего они напоминают залитые водой неглубокие канавы. К тому же именно в этот период народ по ним должен мотаться непривычными для здешних мест толпами, которые наверняка размешали эту грязь еще сильнее. Хорошо еще сейчас никого поблизости не наблюдалось, и Семен без особых проблем установил рядом датчики внешнего контура.

А за поворотом, с вершины небольшого холма, наблюдался город. Ну, по местным меркам город, размерами едва-едва побольше московского Кремля, если не считать раскинувшихся вокруг полей и огородов. Большая деревня, в общем. Или небольшая, это уж с какой стороны посмотреть. Но – с полноценной стеной, что давало право называться... А как, кстати? Семен даже не знал. Во-первых, не беспокоился заранее, а во-вторых, даже профессор не мог точно объяснить, куда вывел их портал, в собственное темное прошлое или в параллельный мир, очень похожий на него. И запоминать местные названия, особенно учитывая, что они и из лесу-то выходить не собирались, не имелось никакого смысла.

– Ну что, возвращаемся? – поинтересовался Семен у сопровождающего.

Тот молча кивнул, от чего его размалеванное камуфляжем лицо, напоминающее то ли упыриную харю, то ли морду лешего, показалось на миг весьма забавным. Это если не думать о том, что у парнишки за спиной наверняка не одна «горячая точка», и Семена, несмотря на его неплохую подготовку, он разделает под орех не напрягаясь, с оружием или без. И тяжелая, испанского образца шпага на поясе шансов не добавит.

Семен невольно потер щетину на подбородке. Этим-то хорошо, им нет нужды маскироваться еще и таким образом, а ему впору благодарить богов и начальников, что без бороды обошлось. Здесь бороды носят практически все, кроме

разве что гомосексуалистов. Когда на инструктаже объясняли, народ едва не плевался – всегда ведь были, зараза, никуда от них не скроешься. Впрочем, именно здесь и сейчас шляется очень много разного и с разными привычками иноземного люда, так что человек без бороды выглядит объяснимо. Может, немец какой али итальянец. Прикид, кстати, выданный перед операцией, как раз и намекал на иноземное происхождение, равно как и оружие. Легенда, кстати, сама по себе маскировка, иностранцу, если что, простительно не знать какие-то местные реалии. В общем, жить можно. Хотя, конечно, занесло...

Честно говоря, как понимал Семен, привлекли его, можно сказать, за собственные заслуги. Специалист по электронике весьма приличного класса, молодой, грамотный, управляемый, вдобавок по молодости увлекавшийся фехтованием... Попал в поле зрения – вот и решили, что подходит. Во что пришлось ввязаться, Семен понял поздновато, во всяком случае, мандражировать смысла уже не было. Оставалось только вздохнуть да радоваться высоким зарплатам. Ну и тому, что хоть куда-то не потребовалось протекции, а то без помощи родственников либо хороших знакомых устроиться на нормальную работу в последние годы стало практически нереально.

А вообще, сунуться в неведомое – это всегда интересно. Особенно когда все на уровне гипотез. Как там предки говорили?

Был этот мир глубокой тьмой окутан...
Да будет свет! И вот явился Ньютон!
Но сатана недолго ждал реванша:
Пришел Эйнштейн – и стало все, как раньше.

Интересно, кто так точно и емко написал? И ведь все в точку, вот что интересно. Здесь и сейчас именно такая ситуация. Никто не знает, как все работает, где они вообще и что со всем этим делать. Профессор говорит, данные, которые они получают с помощью расставляемого сейчас оборудования, помогут ему завершить теорию их перемещений. Ну, как помогут... Может, да, а может, и нет. Как уж повезет.

Рывок – и охранник лихо вдернул задумавшегося не о том технического работника в придорожные кусты. Очень вовремя – как оказалось, утрачивать бдительность чревато. Раздались чавкающие звуки, и из-за поворота выехал всадник. Длинный, широкий плащ, скрывающий фигуру, на голове шапка, потерявшая цвет и форму от влаги. Оружия не видно, однако есть оно, можно не сомневаться. Здесь без арсенала не ездят, особенно сейчас. А вот конь хорош! Семен не считал себя особым специалистом, но тут уж даже ему было видно, что конь, пожалуй, кровями благороднее всадника. Правда, вид у него усталый, идет не спеша и по обочине. Впрочем, и не подгоняют его...

В лагере к их возвращению мало что изменилось, только

профессор активно щелкал клавишами ноутбука. При виде Семена он аж расцвел и замахал руками – мол, иди сюда, однако выслушивать восторги дорвавшегося, наконец, до игрушки начальства не хотелось совершенно. А хотелось одного – спать! Чем, собственно, Семен и занялся, буквально рухнув в свою палатку и застегнув ее наглухо. Комаров здесь, несмотря на вроде бы прохладную, даже, можно сказать, холодную погоду, оказалось в избытке. И – все, сил хватило только чтобы стянуть с ног изрядно надоевшие сапоги.

Следующие четыре дня прошли, можно сказать, неотличимо от первого. Рано утром, точнее, еще ночью встать, сделать обход, установить новую партию датчиков, только уже дальше предыдущих, вернуться. Все. Единственный раз пришлось менять поврежденный – зверья в этих местах хватало, и датчику, похоже, досталось от удара медвежьей лапы. Ерунда, датчики – расходный материал, их потом и забирать-то отсюда не планировалось. Получалось даже чуточку скучно – это профессору с его научными достижениями, которые уже сейчас тянули, как он сказал, на пару нобелевок, радостно, а не озабоченному столь высокими материями технического персоналу, откровенно говоря, плевать. И никаких, что характерно, угроз, о которых так любили говорить на Базе.

Веселье началось на пятый день, когда народ уже малость расслабился и подсчитывал в уме гонорары. Откровенно говоря, фантазией все собравшиеся здесь, включая и самого

Семена, не отличались. Машины, квартиры, женщины – словом, нормальный, в меру приземленный ход мыслей. А и чего еще ожидать? Собрали-то здесь вполне обычных людей, не пролетариев от сохи, конечно, однако и не гениев, озабоченных желанием осчастливить человечество. Гении пойдут сюда позже, а суровые первопроходцы, озабоченные подобными мыслями, остались только на страницах старых книг про геологов. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, на дворе век прагматиков, а не борцунов за всеобщее счастье.

И вот как раз перед отбоем, когда народ уже набил животы, запиликала чуть слышно сигнализация. Что вы, что вы, никаких сирен, это вредно для ушей и привлекает внимание. А вот слабый, но явственный писк – самое то. И народ моментально оказался на ногах, похватав оружие. Включая и самого Семена – уж что-что, а рефлексy в него вбить успели.

– Двое. Люди. Дистанция... Направление...

Все это оператор, естественно, не говорил – жесты, жесты и еще раз жесты. Семен даже удивился. Когда его учили этому языку, он не считал его чем-то очень уж важным и, соответственно, не напрягался. Однако сейчас выяснилось, что инструкторы умели работать и с такими разгильдяями, как он. Во всяком случае, понимал шевеление пальцами четко, будто слышал.

Четверо закамуфлированных до кончиков ушей костоломов бесшумно скользнули в темноту. Ну, все, Семен осторожно сел на место, остальные последовали его примеру.

Сейчас повяжут нарушителей спокойствия без шума и пыли, да и делу конец. Да и то сказать, полудикие местные вряд ли смогут что-либо противопоставить спецам, подготовленным в эпоху, отстоящую от нынешней на четыре с лишним сотни лет. И в плане тактики, и в плане техники. Достаточно сказать, что здесь вершина прогресса – кремневые пистолеты и ружья. Чаше – фитильные. А многие так и вовсе пользуются луками да арбалетами. Ну и холодняк, естественно. Скверного в основном качества. Маразм, иначе и не скажешь. Даже стыдно как-то за предков.

А вообще, это была уже четвертая тревога. Правда, все три предыдущие происходили без участия аборигенов. Естественным путем, так сказать. В местных лесах зверья, на взгляд цивилизованного человека, водилось просто-таки до безобразия много, причем были это отнюдь не зайчики. И, соответственно, хитрая электроника (в меру хитрая, по современным меркам даже как бы и наоборот, но для местных сойдет с огромным запасом) исправно реагировала на четвероногих диверсантов. Дежурные, соответственно, матерились, но поделаться ничего не могли. Оставалось терпеть.

К счастью, по-настоящему серьезные звери обходили Базу стороной. И медведи, и кабаны были слишком чутки, умны и осторожны, чтобы без крайней нужды лезть к человеку. То же можно было сказать и о волках – следов их вокруг хватало, но близко они предусмотрительно не подходили. А хамским поведением отличались, как ни странно, лоси – этим,

похоже, было все равно, где бродить, они здесь вообще ни на кого не обращали внимания. Вот и приходилось терпеть, когда эти здоровые, куда там лошадям, туши мяса прутся напролом. Можно было бы их, конечно, перестрелять, а толку? Другие набегут, только шуму наделаешь. Да и не виноваты они, в общем-то, это человек вломился в их среду обитания. Поэтому терпели, разве что одного завалили, когда тот от великого ума вошел прямо на территорию лагеря и принялся учинять безобразия. Мясо его, кстати, оказалось вкусным, разве что жестковатым, и неплохо разнообразило меню.

Пока Семен размышлял о высоких материях, прошло минут пять. Потом еще столько же. Потом еще. И в голове как-то сам собой возник интересный вопрос: а почему народ так долго возится? Но до стадии озвучивания он дойти все же не успел – охрана вернулась, таща за собой пленных. Выглядели ребята, правда, так себе.

Если представить себе человека, которого вначале долго обдирали несколько кошек, а потом хорошенько вывозили в грязи, то получится достаточно четкий портрет командира группы. Остальным досталось меньше, во всяком случае, кровоточащих царапин не наблюдалось, но грязи они собрали как минимум на взвод. Разумеется, телесные повреждения нельзя было назвать слишком уж серьезными, но вид у обвешанных стволами суперменов был показательным. Особенно учитывая личности нарушителей спокойствия, которых охрана тащила за собой.

Дети. Пацану лет четырнадцать, может, немного меньше. Точнее сказать не получается – мало того, что совершенно непонятно, с какой скоростью здесь взрослеют, так еще и грязь присутствует. В таком количестве, что пленный напoминает серого цвета ком с руками. Но даже с таким гримом в неверном свете костра хорошо виден синяк на пол-лица – сопротивлялся, значит, до последнего. И все еще глазами зыркает.

Девчонка на вид чуть старше. То есть по меркам этого времени, возможно, уже и взрослая. Семен, честно говоря, смутно представлял, кто есть кто и в каком возрасте – на таких мелочах инструкторы не особенно заостряли внимание, тем более что контакт с местными изначально не планировался. Извазюкана, правда, ничуть не меньше брата. Почему именно брата? Ну, тут даже особой склонностью к дедукции обладать не требовалось, очень уж похожи. Даже с учетом грязи и синяков.

Руки обоих были предусмотрительно связаны. Семен удивленно поднял брови – это что, выходит, их опасаются? Притом, что взяли обоих практически бесшумно, до лагеря не долетело ни звука. И тут же влез профессор. С тем же вопросом.

– Александр... э-э-э... Михайлович... – Опа! В первый раз на памяти Семена он назвал кого-то из нижестоящих по отчеству. – А чем вызваны такие... э-э-э... меры предосторожности?

– А вы сами не видите? – зло буркнул исцарапанный. – Как они нас почуяли – ума не приложу. И скрутили их с трудом. А ведь мы вам не мальчики. Что-то нас о подобном не предупреждали.

– А чего ты хотел? – лениво отозвался лейтенант. Именно так, лейтенант, к нему все и обращались, и выходило это донельзя уважительно. Семен так и не знал, как его зовут. Сейчас он сидел, прислонившись спиной к толстому еловому стволу, и меланхолично обстругивал прутик. Безо всякой цели, просто так. – Это мы здесь в гостях, а они дома. И, бьюсь о заклад, безо всякого ноктовизора на многое способны. Тебя, небось, по запаху табака и портянок заметили.

– Я не курю. И портянок не таскаю.

– Насчет портянок я образно. А куришь, нет – непринципиально. Другие курят, пускай даже и на той стороне. Запах за неделю полностью не уйдет, а в этих краях табаком не балуются. И антикомарином не обливаются. Унюхали тебя, вот и все. Эй, оголец, признавайся, унюхал?

Мальчишка промолчал, только глазами опять сверкнул так, что бумажку кинь – вспыхнет. Лейтенант пожал плечами, встал и решительно освободил пленным руки, попросту разрезав пластиковые хомуты, которые охрана использовала вместо веревок.

– Так, орлы. Умываться – и ужинать. Потом говорить будем.

Интересно... Бежать даже не пробовали, хотя смотрели

настороженно, исподлобья. Скорее всего, понимали, что не уйдут. Парень-то, может, сам по себе и смог бы, а вот сестре точно никуда не деться. Стало быть, остается только принять любезное приглашение. Быстро ориентируются. А вот зачем лейтенанту с ними возиться? Не из человеколюбия же? Что охрана экспедиции и сантименты – понятия несовместимые, Семен был убежден. Хотя, с другой стороны, получить информацию о творящемся вокруг безобразии (а чего здесь еще может быть) из первых рук тоже неплохо. Нет, похоже, не так уж и не прав лейтенант.

Пока случайные «языки» умывались под бдительным оком исцарапанного Сани (уж он-то их точно не упустит), в котелке быстро разогрели каши с тушенкой. Нос ребята, кстати, не воротили, хотя густой аромат пряностей вряд ли был им знаком. На котелок смотрели с удивлением, но не более того, зато алюминиевые ложки едва ли не на зуб пробовали. Ну да, диковинка, здесь и сейчас, небось, все больше деревянные в ходу. Ну а пока они насыщались, Семен, воспользовавшись моментом, рассмотрел их одежду. Домотканая, конечно, и грязная. Особых дизайнерских изысков нет, у парня штаны да рубаша, у девчонки что-то вроде платья, затянутого пояском, и платок на голове. Ну и лапти у обоих. Но при этом ткань добротная, плотная и тщательно выбеленная, хоть и не новая. Натуральное хозяйство во всей красе, что ли?

– Ну что же, – начал лейтенант, как только трапеза бы-

ла закончена. При этом от Семена не укрылось, что ребята невольно дернулись, словно от удара. – А теперь скажите мне, кто вы, откуда и зачем за нами следили?

Ребята переглянулись, а затем мальчишка заговорил. Отмалчиваться не пытался, скорее всего, хорошо понимал: захотят расспросить по-плохому – спросят, и гордо стискивать зубы получится недолго. Язык его отличался от современного русского, но не до безобразия. Понять, во всяком случае, можно было без переводчика. А история... Ну, она как раз оказалась банальной.

Жили Федор и Татьяна недалеко. Правда, корректно перевести «недалеко» в километры у Семена не получилось, здесь, похоже, расстояние воспринималось людьми иначе. Не в метрах-километрах, а в переходах-переездах, которые зависели больше от местности. Впрочем, никто иллюзий не строил, километр по дороге и километр по болоту – две большие разницы, так что логика в таком подходе имелась.

Так вот, жили эти двое недалече. И от города тоже недалеко, но не в пределах стен и не в посаде, а в стороне, в лесу. В голову пришел термин «выселки», но Семен не знал, насколько он здесь подходит. Большая семья, много рабочих рук. Пашня, бортничество... В общем, неплохо жили. А вчера на них напали.

Кто напал – ребята не знали. Здесь и сейчас болталось очень много народу, причем далеко не самого законопослушного. И все воюют против всех, меняя стороны с легко-

стью невероятной. Никаких идеалов – побольше нагрabить да побыстрее смыться. А главное, все относится к этому, как к делу сугубо житейскому. Нормальная, в общем, русская смута.

По сути, их спасло то, что в момент нападения они были в лесу. Ну а потом, вернувшись и услышав шум, не бросились куда-то сломя голову, а догадались затаиться. Ну и наблюдали за тем, как режут скот, вешают отца, отрубают голову матери. Как тащат на сеновал младших сестер и убивают мальчишек. А в сумерках бежали, благо у захватчиков не было собак, а их дворовых кобелей перебили. Думали пробираться в город, но дорога была перекрыта. Пришлось обходить через лес и болото. Семен, услышав об этом, только головой покрутил. Сам он, не говоря уже о ребенке из своего века, заблудился бы, утонул, переломал ноги, а эти считали такой переход делом самым что ни на есть житейским, внимания не заслуживающим. О том, что в лесу можно заплутать, им, похоже, в голову даже не приходило. Но в результате они вышли прямехонько на лагерь. Случайность, не более, однако вместо того, чтобы делать ноги, ребята захотели узнать, на кого нарвались. Ну что же, узнали. И что теперь с ними прикажете делать?

Озвучивать свой вопрос Семен, естественно, не стал. С чего бы, спрашивается? В конце концов, он техник, его задача с аппаратурой возиться, а на все остальное есть компетентные товарищи вроде того же лейтенанта. Или профессор

– ему, как начальнику экспедиции, решения принимать по должности положено. И отвечать за их последствия, кстати. То-то сидит и мнется – уже сообразил, видать. А самое интересное, что, хотя высоколобые специалисты по временным заморочкам (все, как один, теоретики) утверждают, что при допустимо малом воздействии никакого «эффекта бабочки» ждать не стоит, конкретная величина этого «допустимо малого» никем не определена. И если, к примеру, хлопнуть эту парочку здесь и сейчас, то вопрос, скажется ли их смерть на развитии истории, или нет, остается открытым. Хотя, может статься, они должны были погибнуть сегодня, и остались в живых, наткнувшись на пришельцев из будущего. Тоже, кстати, вопрос интересный.

Пока он размышлял, а профессор мялся, заговорил лейтенант. Вот уж для кого не было вопросов, что делать. Привык решения принимать – и здесь оказался верен себе, долго не раздумывая.

– Значит, так. Вам придется пока остаться с нами. На два дня. Потом отпустим. Вреда не причиним, но попытаетесь сбежать – свяжем. Все понятно?

Брат с сестрой переглянулись, потом синхронно кивнули. Видать, сообразили уже, что захоти их убить – давно бы убили. Скорость адаптации прямо зашкаливающая. Вот и верь потом тем, кто говорил, что предки недоразвитые. Они просто мыслят иначе, и неизвестно еще, кто умнее...

Додумать мысль он не успел. Взвывла сигнализация – ника-

ких тебе писков-визгов, а вполне полноценный вопль. Стало быть, массовый прорыв охраняемого периметра. А в следующий момент загремели выстрелы, рухнул головой вперед в костер один из охранников, и сразу же стало не до интеллигентских бредней. Рука привычно рванула из кобуры АПС, и Семен, подчиняясь вбитым на базе рефлексам, кувырком ушел в сторону. Как оказалось, вовремя. Краем глаза он увидел, как вздыбилась земля там, где он только что сидел. Судя по этому зрелищу, пуля была величиной с огурец, не меньше. А следом из кустов прыжком выбрался здоровенный дегтина с саблей, изогнутой так, что оружие больше напоминало колесо.

Наверное, он что-то кричал, и даже, судя по раззявленному, как ворота, рту очень громко, но Семен почему-то ничего не слышал. Он только видел перед собой кажущуюся неправдоподобно огромной тушу с занесенной над головой отточенной железякой и чувствовал, как медленно, словно во сне, поднимается пистолет.

Ду-дух, ду-дух, ду-дух! Короткая, на три патрона, очередь заставила голову нападающего буквально взорваться, и он медленно, будто в кино, начал падать вперед. Сабля вывалилась из разом обмякших пальцев, это Семен видел невероятно четко, словно под микроскопом. А потом туша ударилась о землю, и брызги того, что еще недавно было мозгами, полетели во все стороны. Семен ощутил на щеке липкие капли – и время словно бы от этого вдруг рывком вернулось к

нормальному восприятию.

Нежные интеллигентские мозги от вида происходящего, усиленного первым в жизни собственноручно убиенным, словно бы отрешились от происходящего, но тело работало само, подчиняясь вбитым намертво рефлексам. Еще пережат – и огонь короткими, на два-три выстрела, очередями в остервенело лезущую из лесу толпу. Пули с сердечником из карбида вольфрама – такие на раз проткнут любую кирасу, а более серьезные доспехи здесь пока в ходу. И видно, что стреляет не зря – опрокинулся назад один противник, рухнул другой, с воем покатился, зажимая живот, третий... Рядом, громко матерясь, стрелял еще кто-то... А потом магазин как-то очень быстро опустел, и перезаряжать оружие времени уже не было. И рука сама, без участия сознания, опустилась на эфес тяжелой шпаги, оружия, которое положено было по роли в качестве бутафорского, но в умелых руках грозного и эффективного. А главное, патроны в нем не заканчиваются.

Первого оказавшегося рядом Семен встретил колющим в живот. Попал – тот взвыл, уронил саблю и сложился пополам, хватаясь окровавленными пальцами за клинок. Рывком освобождая шпагу, краем сознания Семен отметил, что пару этих самых пальцев он попросту отсек, но никаких эмоций не ощутил – не до того. Перепрыгнув через раненого, на него уже лез следующий противник, белообрый и с рассеченной наполовину правой ноздрей. Это отпечаталось в сознании, будто молотком вколотили. Семен успел блокиро-

вать его удар, крестовина сабли противно скрежетнула о гарду. Абсолютно неграмотно с точки зрения фехтования, но выбирать не приходилось. Дага в левой руке... Когда успел выхватить? Неважно. А важно то, что эта самая дага как в масло вошла в шею противника. Фонтаном брызнула кровь, пачкая руки и одежду. Мелочь, не стоящая внимания. Еще один... Да что им, медом намазано? Отвести оружие, с чувством припечатать ногой в пах, рубануть по спине. Клинок лишь звякнул о кирасу, зато удар ботинком в лицо заставил свежеиспеченного евнуха не только разогнуться, но и рухнуть в костер, откуда он с воплем вылетел и помчался прочь живым факелом. Все, не до него, из кустов носорогами валят новые противники, и надо их остановить...

Солидно и зло зарычал РПК, и длинная, на все сорок патронов очередь буквально смела врагов. Не так уж и много их было на самом-то деле. Оскаленные в совершенно нечеловеческой гримасе зубы лейтенанта, рывком меняющего магазин. С тихим, но отчетливо различимым шипением вылетел из кустов шар с искоркой фитиля. «Граната», словно бы выстрелило в мозг, и, повинувшись инстинкту, Семен пинком, словно футбольный мяч, отправил так и не успевший коснуться земли гостинец обратно. Супероружие элитной пехоты унеслось в лес, оттуда кто-то истошно взвыл «Шайзе!», а потом рвануло. На удивление хорошо рвануло, местный порох, хотя и дымный, оказался куда мощнее, чем можно было ожидать. И тут за костром рвануло еще раз, видать, граната

оказалась не единственной. Толчком спрессованного воздуха Семена сбило с ног, в грудь ударило так, что больно стало даже через очень кстати поддетый бронежилет, но сознания он не потерял. Зато для полноты ощущений отправил следом за отфутболенным гостинцем одну из своих гранат, благо на поясе висели. Лейтенант добавил свою. Два взрыва – и наступила тишина, оглушительная после грохота боя.

– Вот козлы! – с чувством, но при этом удивительно спокойно сказал лейтенант. – Вот козлы... – и добавил пару всем известных, но, увы, абсолютно непечатных слов, как нельзя более подходящих к ситуации. – Иевлев, Карпенко, бегом, проверить.

Один из его подчиненных нырнул в кусты, следом за ним, чуть отстав, второй. Семен огляделся – и еле удержался от того, чтобы выругаться, да куда забористее лейтенанта. И причина лежала буквально на поверхности – кроме этих двоих уцелели он сам и лейтенант. Все. Четверо из четырнадцати. Но главное, профессор. Сидит, лицо спокойное, умиротворенное. Даже кашу не рассыпал. А что неживой – так за это отвечает рана в половину груди. И топор, нанесший ее, так и торчит, пройдя насквозь и пришивив профессора к стволу вековой сосны.

Этот суматошный, внезапный бой стоил им дорого. Даже дороже, чем можно было представить. Но это выяснилось потом, а сейчас лейтенант, матерясь сквозь зубы, перетягивал бинтом рассеченный осколком бок, Семен ему помогал, хотя

самого мутило и от вида крови, и от запаха. Если учесть, что кишечник человека располагается в большей части туловища, неудивительно, что война пахнет не только кровью, но и дерьмом. А Семен – и это сейчас вылезло – самый что ни на есть гражданский шпак, который раньше не то что не убивал никого, а даже как убивают другие, видел разве что в кино. И если в бою адреналин вкупе с инстинктом самосохранения оказались весьма к месту, не позволив впасть в панику, то сейчас, когда они ушли, наступил отходняк. Но ничего, сумел удержать содержимое желудка и помочь раненому, благо ничего страшного там не наблюдалось. Так, рассекло кожу и мясо, даже до ребер не достало. Все же местные гранаты горазды были громко хлопать, но по убойной силе стандартам двадцать первого века не соответствовали. Зато дым от них вонял похлеще иного химического оружия, перебивая иногда даже запахи, исходящие от трупов.

Кстати, из своего бронежилета Семен вытащил один большой и три маленьких осколка, возблагодарив мысленно собственную предусмотрительность. Не поддень он под одежду эту тонкую металлокерамическую броню – и вполне мог присоединиться к товарищам, так и оставшимся лежать в живописных позах. Хотя, надо сказать, только одного из них убило, точнее, добило гранатой. Всех остальных смело или залпом из темноты – пуляли враги все-таки густо и метко – или порубили потом в рукопашной. И если бы не лейтенант со своим пулеметом, еще неизвестно, чем бы все закончилось.

А нападающих завалили всех. Единственный, кого притащили разведчики, был посечен осколками и находился без сознания. Только бредил, мешая польские, русские, немецкие и еще какие-то слова, и примерно через полчаса, так и не придя в себя, отдал богу душу. По одежде тоже сложно было делать какие-то выводы – напялили они на себя что попало, набранное с бору по сосенке. Это, кстати, вполне соответствовало местным обычаям, так что равновероятно нападавшие могли оказаться наемниками, разбойниками, патриотами, решившими выгнать чужаков из своего леса, или же полноценными, разве что малость пообносившимися, правительственными войсками. Знать бы еще только, какого правительства, этого добра здесь и сейчас больше, чем блох на барбоске. В общем, хрен их средневековую душу поймешь. И Федор, которого попытались привлечь в качестве эксперта, тоже ничем помочь не смог, только руками разводил. Ну да и неудивительно, что он там видеть-то мог, в своем медвежьем углу.

Зато выживаемость представители местных тинейджеров продемонстрировали прямо-таки великолепную. При первом же признаке большого шухера Федор спихнул сестру с бревна, на котором они сидели, и сам брякнулся за него. В результате ни пули, ни осколки их не достали, и бой парочка пережила без потерь. И выглядели они, наверное, потому, что остались живы, счастливыми донельзя. Глядя на их улыбающиеся физиономии, Семен испытал острое желание дать

обоим по лицу. Так, на всякий случай.

От того, чтобы мысли стали материальными, его отвлекли матюги лейтенанта. Поразительно – человек, обычно следящий за чистотой речи, очень сильно меняется в условиях стресса. Эта мысль просвистела, как пуля, и умчалась вдаль, поскольку Семен, подойдя к месту, откуда доносилась брань, и увидев, чему она посвящена, сам выразился столь виртуозно, что остальные замолчали и начали смотреть на него с неподдельным уважением. И, надо сказать, всем им было из-за чего сквернословить.

Аппаратура, уютно складированная в самом, казалось бы, безопасном месте, выглядела так, будто по ней отработал пьяный кузнец, вооруженный кувалдой. Вмятины, во всяком случае, были соответствующие. Но вмятины – это мелочи, куда хуже, что кое-где не самое толстое железо оказалось еще и пробитым. И было этих пробоин изрядно, некоторые из них могли оставить разве что пули калибром с грецкий орех, не меньше.

Откровенно говоря, Семена мало интересовали приборы безвременно усопшего профессора. Во-первых, имелись стойкие подозрения, что они изготовлены не в заводских условиях, за что уплачены соответствующие деньги (Семен как-то случайно увидел смету и до сих пор пребывал в легком шоке), а сляпаны на коленке. Датчики, во всяком случае, именно такое впечатление и производили. И, кстати, к своим ящикам профессор никого не подпускал, что только уси-

ливалось подозрения. А во-вторых, будь они стоимостью хоть в миллиард, Семена это не касалось абсолютно. Не на нем числится, не он отвечает. Куда больше его волновали приборы, отвечающие за поддержку связи с родным временем. Или родным миром? Ай, не важно. Главное, если связь прервется, то открыть сюда портал будет невероятно сложно, это Семен знал точно.

Крышка, на внутренней стороне которой располагались экран с клавиатурой, была закрыта. Защелки... Семен дернул их – черта с два, стояли как влитые. Замок простенький, кодовый, десять цифр. Комбинацию можно подбирать до второго пришествия.

– Дай-ка, – лейтенант аккуратно отстранил Семена, приоткрыл замок, а потом ловко скосил его кончиком ножа. Повторил операцию со вторым. – Пользуйся.

Ну и на кой, спрашивается, такие замки? От комаров закрываться? Очень хотелось задать этот вопрос вслух, но он все же промолчал. Вместо этого откинул крышку, щелкнул клавишей...

Аппарат из спящего режима не вышел. Больше того, он, похоже, вообще не работал, и запустить его не удавалось. Матюгнувшись шепотом, Семен осмотрел ящик со всех сторон и почти сразу определил причину. На задней стороне оказалась дыра, небольшая, но все же... Пришлось вскрывать панель, благо здесь никаких сюрпризов не наблюдалось – обычные болты, вполне подвластные отвертке из мульти-

тула. Справился с ними Семен быстро, после чего сдвинул панель и залез в потроха прибора.

Когда через полчаса лейтенант, отправившийся, как он выразился, «осмотреться», вернулся, техник сидел на обломке древесного ствола, ранее заменявшего профессору скамейку, и бездумно вытирал пальцы тряпкой. Давно вытирал – они уже были чистыми и разве что не блестили. И по задумчивому и в то же время отрешенному взгляду было ясно – не все идет так, как хотелось бы.

– Ну, как? – нарочито бодро спросил лейтенант, присаживаясь рядом.

– Как-как... Тебе честно, или без матюгов?

– Честно и без матюгов.

– Так не бывает. Если вкратце, то – вот... – Семен вложил в протянутую руку лейтенанта смятый до неузнаваемости кусочек свинца.

Тот подбросил его, удивленно прищурился:

– Граммов пятьдесят... Мушкет, а?

– Не знаю, я настолько в оружии не разбираюсь. Но что такая дура наворотила, думаю, ты можешь представить.

Лейтенант молча встал и сам залез в потроха аппарата межвременной связи. Когда он обернулся, лицо его вытянулось настолько, что напоминало лошадиное. Хотя овес прячь, честное слово.

Несмотря на паршивость раскладов, Семен мысленно усмехнулся. Он-то хорошо знал, что там можно увидеть.

Много-много осколков, разбитые вдребезги платы и обрывки проводов. Видать, пуля, смявшись в момент удара, пометалась по внутренностям ящика, рикошетом отскакивая от стенок и дробя все на своем пути. Натворила дел, в общем.

– Починить сможешь? – Лейтенант справился с собой в рекордные сроки и сейчас выглядел как обычно, отстраненно-ироничным.

– Не уверен. Скорее нет, чем да.

– Почему? Разбери вон то барахло, – лейтенант кивнул в сторону остальных приборов. – Глядишь, и найдешь то, что нужно.

– Как будто я об этом не подумал, – сварливо отозвался Семен.

– И?..

– И что дальше? У меня нет даже принципиальной схемы этой бандуры. Профессор наш предпочитал хранить секреты. Придурок.

– Совершенно с тобой согласен.

– Я попробую, конечно, но вряд ли. А дальше – сам знаешь.

Лейтенант кивнул – он и впрямь знал. Без пеленга окно точно не открыть. Их, конечно, будут искать, не ради красивых глаз, а для того, чтобы получить собранную информацию. Зачем она нужна, простым исполнителям неизвестно совершенно, никто им не докладывал, типа не ваших куцых мозгов дело. Главное – искать в любом случае будут, но

сколько это займет времени по местным локальным раскладам – сказать очень сложно. Может, год, а может, и десять. Ч-черт!

– Хреново, – сказал лейтенант и собрался было отойти, но Семен поймал его за руку.

– Сядь, разговор есть.

Лейтенант пожал плечами, уселся и с интересом посмотрел на Семена.

– Говори.

– Тебе ничего не кажется странным?

– Что конкретно ты имеешь в виду?

– Я имею в виду то количество пуль, которые выпустили сюда. Больше половины, как мне кажется. И возникает вопрос, даже два. Во-первых, почему именно так стреляли, хотя могли бы нас смести, если бы лупили только по людям, и, во-вторых, как было сделано столько выстрелов? Нападавших было не так и много, а стреляли раз в пять больше. И да, третий вопрос. Как они просочились через вашу хваленую сигнализацию, да еще толпой?

На второй вопрос ответить можно, ухмыльнулся лейтенант. – Там у каждого было по несколько стволов. В основном, правда, пистолеты, у них убойная сила ни к черту, – тут он поковырял ногтем вмятину на одном из ящиков. – Сам видишь. И на третий тоже отвечу. Сигнализацию отключили.

– ... Наши?..

– Нет. Все отключено извне.

– О-па... Это как?

– Да просто, – с внезапной злобой в голосе ответил лейтенант. – Защита ставилась на местных дикарей. Вот и ставили что попроще. Нормально прикрыли только внутренний периметр. Его и не отключили, что характерно.

– Ты хочешь сказать, что против нас работает кто-то...

– Именно так. Кто-то из нашего времени.

– Так, стоп. Это, конечно, отвечает на первый вопрос. Ему надо было или нас уничтожить, или оборвать связь. Так?

– По всему выходит, так.

– Будем считать, ему это удалось. Но зачем такая хамская работа? Лично я взял бы снайперку и положил тут всех. Просто и безопасно.

– В лесу? – лейтенант скептически изогнул бровь. – Сразу видно, что ты ни разу не военный. Прицельная дальность здесь двадцать, ну, тридцать метров. Мы бы его засекли и покروшили из автоматов в мелкий фарш еще до того, как он туда добрался – наш периметр шире.

– Понял, вопрос снимается. И что дальше? Какие предположения?

– Да предположений может быть куча. Он может быть один – вот и подрядил на это дело местных лохов. Их может быть много, но никому не хотелось рисковать. Их могло быть много, но не все захотели принимать участие... Слушай, я тебе целый набор предположений сейчас выдам, и все они имеют право на существование. Одно могу сказать точ-

но. Детишки, – тут лейтенант кивнул головой в сторону гостей, которые только что помогали оттаскивать трупы, а сейчас без какой-либо брезгливости наворачивали кашу, – появились здесь неспроста.

– Думаешь, они связаны с этими?

– Сомневаюсь. Очень уж рискованно. Скорее, их использовали втемную. Вывели, точнее, выгнали на нас, поняли, что имеется сигнализация, а дальше – дело техники.

– Что втемную – не факт. Просто наш противник мог хорошо знать нашу психологию и просчитать, что детей убивать мы не будем.

– Возможно. Это я, кстати, тоже подумал. Сейчас, поедят, чайку попьют – и живо на все вопросы ответят...

Что уж там лейтенант кинул гостям в чай, так и осталось для Семена загадкой. Да он, откровенно говоря, и не интересовался – во-первых, ни разу не химик, и длинная и запутанная (а других сейчас не бывает) формула для него была бы пустым набором звуков. А во-вторых, даже если бы ему сказали название, он тоже не понял бы ничего – с арсеналом спецсредств техник знаком не был. Так что пес с ними, с названиями, главное – работало.

А работало, кстати, неплохо. Ребятишки погрузились в транс, какую-то полудрему, полностью отключающую их сознание от происходящего. Лейтенант заявил, что помнить они потом ничего не будут, и Семен был склонен ему верить. Зато на вопросы они отвечали уверенно, без запинки. Увы,

ничего нового – пели то же, что и раньше. Видимо, лейтенант был прав, и они действительно оказались подсадными утками, летающими втемную. А потом, когда местные погрузились в глубокий сон, лейтенант собрал всех четверых уцелевших и вкратце обрисовал ситуацию, закончив ее традиционным «ну, что делать будем, какие есть предложения?».

Идеи посыпались градом. Только все какие-то однобокие и являющиеся, по сути, вариациями на два пути действий. Или сидеть здесь в надежде, что к ним все же пробьют канал, а будет это через двое суток, не раньше, или идти в ближайший город. В конце концов, продовольствия имеется не так и много, долго на месте, даже с учетом охоты, не усядишь. Объединить эти идеи получилось запросто, и остаток ночи и весь следующий день был потрачен на восстановление сигнализации. С учетом последних событий не бог весть что, но все же лучше, чем полная открытость неприятностям.

В назначенное время портал не открылся. Семен, откровенно говоря, и не расстроился даже – хорошо понимал, что без маяка это событие маловероятно, и внутренне был готов к подобным раскладам. Остальные матерились, но тоже как-то спокойно, без огонька. Подождали еще пару дней, но, когда вышел контрольный срок, не стали тянуть – аккуратно прибрались, укрыв свои вещи и трофеи и позаботившись, чтобы никто не смог их найти, а если вдруг такое случится, без спросу до них добраться. Потом навьючили на себя оружие и, настроив кое-как собранную Семеном машинерию на

подачу им сигнала в случае, если портал все же откроется, отправились в город. В конце концов, это было лучше, чем изображать леших, да и ребятишек стоило вывести к людям – не под мох же их зарывать. Хотя мысль эта и была соблазнительной, ее все же отвергли. Мало того что как-то не по-человечески это, так еще и крутилась в голове мысль: а вдруг это предки кого-то из них?

Маршрут для Семена был привычным – он уже несколько раз ходил здесь. Всего-то разницы, что вместо бесполезных теперь датчиков в рюкзаке лежали патроны, да к пистолету в жесткой кобуре, с которым он привык не расставаться, добавился автомат. Шпага на левом бедре почти не мешала идти – тоже привык уже. Хорошее оружие, надежное, и патронов не требует. Почти точная реплика испанской шпаги, разве что сталь куда как лучше, да гарда более продумана, однако это как раз не привлекает внимания. Какая там сталь, на раз не увидишь, а гарды здесь отличаются разнообразием, никакой стандартизации.

Идти было легко, тем более что ночью ощутимо подморозило. Средняя полоса, середина июня... Как тут люди вообще выживали? Под ногами то потрескивал лед, тонкой коркой покрывавший лужи, то хрустели сучья – все же местные заросли мало напоминали те превращенные почти что в парки пригородные леса, с которыми Семену приходилось иметь дело раньше. И ломился он, как сам осознавал, шумя, будто растолстевший слон. В этом плане у товарищей полу-

чалось заметно лучше, а местные и вовсе шли так, словно вокруг них поставили два слоя звукоизоляции. И смотрели они при этом на Семена этак... сочувственно, что его до крайности бесило.

Проклятие, как же плохо, что нельзя взять квадроциклы. Тогда можно было бы запросто продемонстрировать всем торжество человеческой мысли над близостью к природе. Но – увы, мало того что гремящее чудо услышат за несколько километров, так еще и посмотреть на него сбегутся все белки с окрестных лесов. Так что стиснуть зубы – и вперед, героически преодолевать препятствия. И забыть о том, что есть другая жизнь – надо настраивать себя на мысль, что ближайшие несколько лет придется жить в этих скотских условиях...

Струйка воды, скатившись с ветки, ледяными каплями стекла точно за шиворот. Семен еле удержался от того, чтобы не выругаться в голос, сплюнул и поправил кожаную бандану на голове. Подарок знакомого байкера к местным условиям подходил как нельзя лучше и вдобавок не казался чем-то чужеродным – ими здесь пользовались. Во всяком случае, на трупе одного из нападавших бандана нашлась. Правда, не такая шикарная, насыщенно-черная, как у Семена, а матерчатая, грязная и выцветшая до серо-буро-малинового оттенка, но вряд ли кто-нибудь обратит внимание на подобные тонкости.

– О чем задумался? – незаметно подошедший лейтенант

с деланой веселостью хлопнул техника по плечу. – Не спи, замерзнешь.

– Не дождешься, – буркнул Семен. – Нам тут идти осталось всего ничего.

– Я знаю. Вот что, пока остальные далеко... Только честно, у нас шансы есть?

– Выжить или вернуться?

– Выживать – это уже ко мне вопрос. Вернуться, конечно.

– Есть, но не скоро. Я ни полслова не соврал, когда объяснял перспективы.

– Спасибо.

– За что?

– За честность.

– Да не за что, – пожал плечами Семен. – Тогда баш на баш. Почему вы так топорно сработали? Я считал, что спецназ таких ошибок не допускает.

– Спецназ? Где спецназ? Какой спецназ? – лейтенант с наигранным удивлением покрутил головой.

– А...

– Знаешь, давай потом поговорим на эту тему. Сейчас все равно не успеем.

И вправду не успевали. Еще сотня метров, и перед ними открылась приличных размеров деревня, одной стороной главной (и единственной) улицы практически упирающаяся в лес, а другой – какую-то сотню метров не доходящая до городской стены. Кажется, именно это и называлось посадом.

Вот только как ни называй, все равно деревня, с полями и огородами, с мычащей, хрюкающей и квохчущей на разные голоса скотиной. Разве что мастерских было побольше, чем надо для такого маленького населенного пункта, ну да оно и понятно – на продажу стараются, да и из города наверняка все пожаро- и взрывоопасное предпочли в чисто поле вывезти. Там ведь тоже дома из дерева, как полыхнет – никому мало не покажется.

Семен внимательно огляделся. А ничего так жили предки. Дома попадались и в два этажа, солидные такие. Единственно, оконца мелкие и затянуты непонятно чем, явно не стеклом. Да и на крышах нет привычного по своему времени железа и прочих изысков цивилизации. Крыты... Ну, чем они покрыты, Семен тоже не понял, да и не старался, если честно. Но все равно жили предки как минимум просторно, на квадратные метры не скупясь.

Не все, правда, так жили, крупных домов наблюдалось не так и много, в основном откровенные халупы, вроде и не старые, но уже вросшие в землю. У них даже трубы были не у всех, некоторые топились по-черному дым выходил из дыр в крыше. В общем, небогато здесь жили, хотя и, похоже, не бедствовали особо. Во всяком случае, среди высыпавшего на улицу и с интересом наблюдающего за незваными гостями народу доходят не наблюдалось.

– Как их в этом бардаке еще не разграбили? – обращаясь ко всем сразу и ни к кому определенно, спросил Александр.

Этот исцарапанный Федором во время первой встречи ко-
столом уцелел в бою, отделавшись простреленным предпле-
чем, и с того самого вечера пребывал в мрачном располо-
жении духа. Кроме того, он глаз не спускал с детей, то ли от
недоверия, то ли из-за обиды на ловкого мальчишку, и в ре-
зультате выматывался больше других, что тоже не добавляло
ему настроения.

– А потому, что они – как тот неуловимый Джо из анек-
дота, – отзывался лейтенант. – На фиг никому не нужны. За-
холустный городишко, взять здесь особенно и нечего. Круп-
ному отряду на него лезть – это терять время и людей ради
сомнительной выгоды.

– Ну, не все решается только выгодой...

– Для большинства, особенно для наемников, ей и решая-
ется. Так что крупный отряд не полезет – добычи на всех
не хватит. Ну а маленькой шайке, вроде той, что разгромила
дом наших... гм... друзей, ловить тем более нечего. Сами
головы сложат.

Доля правды в словах лейтенанта, несомненно, имелась. В
деревне наверняка жило не меньше сотни мужиков. Это, ко-
нечно, не профессиональные солдаты, но и не трусы, с какой
стороны у топора рукоять – здесь неплохо известно. Умелец,
способный таким инструментом без единого гвоздя срубить
избу, и человека обстругает запросто. Даже полировать по-
лучившуюся в результате такой обработки буратину не по-
требуется. Да и городские сидеть просто так не будут – во-

первых, люди в это время дружнее и крепче держатся друг за дружку чем в будущем, а во-вторых, там тоже не дураки и понимают, что вместе отбиться проще, а поодиночке и вообще пропасть можно запросто. Так что мелкий отряд не сунется, а крупный обломает зубы о городские стены. Каменные, кирпичные – неважно, главное, высокие. И можно не сомневаться – горожане и успевшие укрыться в городе посадские будут защищать свои жизнь и добро до конца.

У ребятишек здесь нашлись родственники, к их дому группа и направилась. Люди расступились перед ними, пропуская – лица были настороженные, но отнюдь не озлобленные, и, видя, что пришельцы не проявляют агрессии, мужики тоже не пытались решить вопрос с их появлением с помощью тяжелых предметов. Хотя и не расслаблялись зря – у всех под рукой имелись если не топор или вилы, то хотя бы оглобля. Ну, или тяжеленный дрын, ударом которого легко можно вбить голову противника прямо в грудную клетку. В общем, забитыми они не выглядели, а вот способными постоять за себя – вполне.

Родственник, точнее, родной дядя их нечаянных проводников жил в крепком доме о двух этажах, срубленном из потемневших от времени бревен. Толщина их внушала уважение – в таких застрянет любая пуля, да и не всякое ядро сможет проломить. Некоторые бревна достигали сантиметров пятьдесят в толщину, не меньше. Крыльцо высоченное, а вот на дверях не наблюдалось и намека на петли под замок

или засов. Семен разом вспомнил, что, по рассказам стариков, в деревнях раньше такое было не принято. Подпер двери палкой уходя – и все, никто внутрь не зайдет. Не очень верилось, правда, но, похоже, слухи эти имели под собой основание.

На стук их дверей появился мужик совершенно необъятных габаритов. Глянул, удивленно шевельнул бровями и густым, совершенно оперным басом прогудел:

– Федька, Танька, вы что здесь делаете?

– Мы...

– А, неважно, проходите в дом. И вы тоже, – это уже Семену и его товарищам. – Чего зря на улице торчать.

Пока Федор рассказывал о гибели родителей, жена хозяина шустро собирала на стол. Колоритная была женщина – предел мечтаний любого мужчины и еще чуть-чуть. Муж на ее фоне просто терялся, хотя это и сложно было представить. Двигалась она при этом с невероятной ловкостью, успевая и стол накрыть, и к разговору прислушаться, и раздать подзатыльники своим детям числом аж семеро. Таким методом, который, несомненно, вызвал бы приступ возмущения у любого педагога, современника Семена, ей удавалось с минимальными усилиями поддерживать относительный порядок в семействе. Правда, охать жалостливо по поводу родственников она не пыталась.

Когда Федор закончил, их дядя несколько минут сидел с окаменевшим лицом, а потом резко потряхнул головой и мах-

нул рукой в сторону стола – угощайтесь, мол. Ну что же, гости не заставили себя упрашивать – находились сегодня изрядно, да и ели в последний раз уже давно. На еду не то чтобы накинулись, но уплетали с аппетитом. Все-таки голод – лучшая приправа, а вот ее-то, кстати, здесь и не хватало.

Нет, хозяин явно не жадничал, стол был богат, что для этого времени само по себе достижение, вот только на взгляд людей из далекого будущего каши, мясо и рыба выглядели пресновато. Ничего удивительного, здесь транспортные пути были, мягко говоря, так себе, везти с Востока пряности и долго, и дорого, так что несчастный черный перец в буквальном смысле слова на вес золота, а то и дороже... Картошки тоже не было. В общем, скучно. И приесться такая стряпня избалованным разносолами людям моментально. Зато чай был замечательным, никакие «со слонем» близко не стояли. Правда, сам чай там если и присутствовал, то в очень небольшом количестве, а так больше травы, много и разных, но все равно вкусно. И пироги были выше всяких похвал.

Между тем хозяин дома, дождавшись, когда гости наедятся, тяжело растер лицо руками и спросил:

– В город собираетесь?

– Да, – за всех ответил лейтенант.

– Переночуйте у меня, сегодня вас уже все равно не пустят.

– Почему? Ворота вроде открыты, да и солнце высоко.

– Не пустят, – повторил мужик. – Не велено. Мало ли,

вдруг вы тати какие, сейчас по дорогам кто только ни шляется.

– Мы подумаем, – вежливо ответил лейтенант.

Хозяин дома пожал плечами и, не говоря ни слова, вышел. Гости, оставшись одни, синхронно переглянулись.

– Ну что, мужики, остаемся?

– А куда деваться? Нынче здесь все нервные. Шмальнут еще ненароком, а потом апостолам на небесах доказывай, что ты не верблюд. Сам, небось, видел, какие дуры у них в ходу.

– Да уж, из такой танк можно спалить.

Словом, большинством голосов (Семен задремал и потому был со смехом посчитан как воздержавшийся) решили остаться и принялись осваивать новое место жительства.

Комната, выделенная им хозяином, располагалась на втором этаже и выглядела довольно внушительно. Квадратов тридцать, не меньше, как по неистребимой привычке инженера навскидку определил Семен. Остальные и этим не заморачивались. Единственный минус – практически отсутствие мебели. Несколько полок, лавки вдоль стены, на которых здесь, оказывается, было принято спать, и все. Ну да нестрашно – народ подобрался ко всему привычный, и пугали Семена только две вещи – запах, который они все, неделю не мывшись, издавали (брезгливость, говорят, со временем проходит, но пока что она имелась в наличии), и хоровой храп, от которого ночью невозможно будет заснуть. Впро-

чем, первая проблема снялась сама собой – баню, пускай и истопленную по-черному, но большую и чистую хозяин не зажил.

Когда Семен, одетый в великоватую ему хозяйскую одежду (его собственные шмотки сушились в предбаннике, а распаковывать чистое не хотелось, вот и воспользовался предложением, халява, однако), вышел наружу, здесь уже смеркалось. Было прохладно, но явно теплее, чем вчера, и, наверное, в честь этого народу оказалось довольно много. Молодежь в основном, ну да это во все времена и у всех народов так – парочки вечерами гуляют. Днем некогда, работа, здесь ведь о восьмичасовом рабочем дне никто и не слышал. Словом, людей хватало, с Семеном по исконно деревенской привычке здоровались и рассматривали гостя с интересом, но без враждебности – историю о ночном бое все уже знали, в таких маленьких закрытых социумах любая информация распространяется быстрее звука.

Что интересно, здесь не было пьяных. Даже запаха перегара ни от кого не шло. И за столом, как помнил Семен, ничего похожего не предлагали. В свете этого получалось, что истории об исконно русском пьянстве, которые так нравятся оппозиционным писателям всех мастей, больше походили на высосанную из пальца пропаганду. Увы, додумать эту мысль не получилось, ибо если человек не ищет приключений, это не значит, что приключения не найдут его.

А все ведь так хорошо начиналось! Дело в том, что по

местным меркам Семен был парнем видным. Нет, народ здесь тоже был отнюдь не мелким. Ученые, которые писали, что предки были низкорослыми и хилыми, определенно лукавили. Пусты местных на улицу любого города – и они ничем не будут выделяться в толпе. Рост у большинства чуть ниже среднего, и только, а попадались кадры и под метр восемьдесят. Оказалось их, кстати, достаточно много, да и вообще, днем присутствовала едва четверть деревенских мужчин, остальные были в поле. И все равно Семен со своими еще не баскетбольными, но достаточно внушительными метр девяносто в толпе выделялся. И естественно, что взгляды местных девушек не могли его из этой толпы не выделить.

Местным парням это, разумеется, не нравилось, но пока дело ограничивалось только взглядами, они тоже не лезли в бутылку. Просто старались увести подруг куда подальше. Семен тоже не наглел – все же они были здесь в гостях, и неприятностей никому не хотелось. Однако, как оказалось, в любой толпе можно найти людей с альтернативной точкой зрения.

Очередная барышня, гулявшая почему-то в одиночестве, улыбкой не ограничилась, а, сменив галс, двинулась курсом на перехват. Недвусмысленный такой маневр, и чем все закончится, одному богу известно. Деваха, кстати, весьма симпатичная, невысокая, с редкими для этих мест черными волосами, и одного взгляда на ее фигуру, пусть и скрытую мешковатым платьем (модные кутюрье со своей извращенной

фантазией в такую глубинку не приезжают в принципе, и в этом плане ни семнадцатый, ни двадцать первый век друг от друга не отличаются), хватило, чтобы вспомнить – последняя увольнительная в ближайший городок была аж за два месяца до экспедиции. Так что платье фантазии не помеха!

Увы, все зло от женщин. Справедливость этого спорного высказывания Семен понял сразу же.

Обмен улыбками не успел перерасти даже в первое сказанное слово, как сзади раздалось:

– Эй ты, бритый, чего к нашим девкам пристаешь?

Семен обернулся медленно, не торопясь – здесь главное не уронить достоинство, в таких социумах на поведение смотрят внимательно. Ну а если уж начали говорить, в спину бить не будут. А вот толпой – хрен его знает, а потому и оставлять без внимания наезд не следовало.

Ага, вот и классика жанра. Первый парень на деревне, а в деревне один дом... Красавчик, всего на полголовы ниже Семена. В движениях чувствуется сила. Одет... Ну, здесь это, наверное, считается богато. Рядом пара шестерок, все как положено. Наверное, уже всем местным доказал, что люлей им навешать способен, вот и решил со скуки чужаку показать, кто самый главный в доме. И что теперь делать, спрашивается?

Оптимально, конечно, все деликатно замять, тем более, если навалятся толпой – не отобьешься, он ведь даже пистолета с собой не взял, идиот... На пять минут ведь подышать

воздухом выходил. А с другой стороны, примут за труса – как бы хуже не вышло. Репутация – наше всё, и потеряв уважение – можно взамен поиметь много проблем. Ладно, придется рисковать.

– А ты что их, купил?

– Может, и купил, тебе-то что?

– Да вот, слышал, что покупают те, кому даром не дают. Ибо – мелковат.

Несколько секунд парень мучительно (вся тяжесть работы мысли и шевеления извилинами буквально выступила у него на лице) пытался сообразить, что же ему сказали. Потом сообразил. Потом густо покраснел. Потом сжал кулаки и пошел вперед. Боже, какой же он нервный!

Народ, успевший собраться, будто бабочки на свет, ментально расступился и образовал широкий круг. Похоже, всем хотелось бесплатного развлечения – и вот оно, пожалуйста, как по заказу. Семен пожал плечами и тоже шагнул навстречу противнику, уж кого-кого, а этого увальня он не боялся.

Еще на базе, когда их знакомили с реалиями этой эпохи, он уяснил для себя один простой момент – в кулачном бою один на один у хорошо подготовленного выходца из позднейшей эпохи шансы неплохие. Да, конечно, любой из этих землепашцев безо всяких штанг и тренажеров сильнее физически – походи от зари до зари с сохой, накачаешься так, что культуристы обзавидуются. Вон, у парня рукава выши-

той рубахи широкие, и то бицепсы их распирают. А вот насчет умения эту силу применить вопрос открытый.

Культура рукопашного боя – она ведь не на пустом месте рождается. Там, где простолюдин априори безоружен и изначально обречен быть жертвой, ему приходится изобретать способы обороняться голыми руками или с помощью сельхозинвентаря. Китай – хороший тому пример. И, с другой стороны, людям, для которых меч или топор – обыденность, норма для любого свободного человека, нет смысла изобретать особо изощренные способы рукомашества и дрыгоножества. А потому на Руси особо серьезных мастеров боя без оружия практически не водилось. Кулачный бой стенка на стенку не в счет – он носил прикладное значение, скорее, именно для армии, а вот чтобы нарваться на специалиста в индивидуальной схватке, требовалось очень постараться и долго искать. И в то, что деревенский увалень именно таким костоломом и окажется, Семен не верил совершенно.

Схватка началась предсказуемо. Все еще красный от злости парень надел на Семена, пытаясь изобразить медведя. В то, что такие здоровяки и впрямь были способны медведя голыми руками задавить, Семен не верил, хотя байки такие слышал неоднократно. Однако же и попадать в крепкие, но недружественные объятия он совершенно не стремился. Поэтому вместо того, чтобы сходитьсь грудь в грудь, Семен ловко поднырнул под вхолостую цапнувшие воздух руки и, не устояв перед искушением, отвесил проскочившему вперед и

едва не потерявшему равновесие противнику смачного пинка.

Не сильный, в общем-то, удар под пятую точку сложно назвать особо болезненным, зато обидным он считался всегда. Дружный гогот зрителей подтвердил, что нынешний случай – не исключение. А для таких, как противник Семена, оказаться посмешищем страшнее смерти. Взревев не хуже неправдашнего медведя, он попер вперед, окончательно потеряв голову, а вместе с ней и контроль над ситуацией. И закономерно наварлся на прием. Бросок, простенький и в то же время зрелищный... Земля, казалось, вздрогнула – грамотно падать щенок не умел совершенно, грохнулся, словно куль с мукой. Но вскочил, пошатнулся, видимо, не оправившись еще от удара, и вновь двинулся вперед. Завидное упорство, надо признать.

Проще всего сейчас, пожалуй, было бы его просто искалечить. Однако доводить до крайностей Семену не хотелось, а потому он просто старался держать дистанцию. Противник же, рыча от злости, пер, словно взбесившийся лось. На этот раз он не пытался поймать Семена, а лупил кулаками, не слишком умело, но резко, аж воздух свистел. Получить по лицу кулаком размером с дыню не хотелось совершенно, и оставалось только маневрировать, выбирая момент для контратаки.

Таковой выдался очень скоро. Уловив паузу между ударами, Семен рывком сократил дистанцию, легко зашел против-

нику за спину и просто, без затей, рванул его назад за ворот рубахи. Ткань затрещала, но выдержала. Ноги парня продолжали двигаться вперед, обгоняя тело, которое закономерно потеряло равновесие и грохнулось о землю. Ну, вот и все, пожалуй.

– Ну что, хватит, или добавить? – поинтересовался Семен.

Его поверженный соперник глухо заворчал и попытался встать, но тут же снова ткнулся лицом в очень кстати подвернувшийся лист лопуха. А что делать, кому сейчас легко? И нечего дергаться, когда тебя коленом вжимают в землю, а правую руку выкрутили так, что еще немного – и хрустнет.

– Все, все, закончили, а то рассержусь.

Судя по тому, с какой силой врезал парень по земле, для него случившееся было жутким позором. Семен, уже поднявшийся и отряхивавший грязь с колен, даже посочувствовал противнику, а тот, встав, опустил голову и не глядя пошел прочь сквозь расступившуюся толпу. Вслед ему неслись редкие смешки – побежденные у тех, кто их боится, сочувствия не вызывают. И это Семена внезапно разозлило.

– А вы, умники, – неожиданно для самого себя резко и громко сказал он, – прежде чем смеяться, сами попробуйте доказать, что лучше его. Шпана...

Последнее слово собравшиеся, может, и не поняли, но смысл уловили. Толпа недовольно заворчала, качнулась вперед, и тут сквозь нее протолкнулся крепкий парень с нагловатой ухмылкой. Ну точно, шпана одесская, разве что заму-

соленного бычка в уголке рта не хватает... Уперев руки в бока, он сплюнул и вновь ухмыльнулся:

– Ну что, чужак, не боишься?

Было в его поведении что-то, заставившее Семена настояжиться. Не мог ведь он не видеть, чем кончилась первая драка, и, тем не менее, явно уверен в успехе. А почему?

Ответ на этот вопрос он получил, когда попытался заблокировать удар и едва не взвыл от боли. Не слишком-то честно играл парнишка – конечно, не кастетом размахивал, но свинчатка в кулаке явно имелась, и бить он умел. Рука у Семена, во всяком случае, моментально повисла плетью. Вокруг одобрительно загоготали, похоже, такое поведение было нормой. Ну да, против своих односельчан подленькие приемчики некомильфо, а вот на чужака такие ограничения не распространяются. Ну и ладно, сам напросился.

Шаг назад, еще шаг, разорвать дистанцию... Противник, уверенный в своем преимуществе, делает шаг вперед, и остается только на противоходе встретить его ногой в челюсть. Не бог весть какой изыск в плане рукопашного боя, но этому хватило – брякнулся как подкошенный.

– Ну что, есть желающие проверить, кто тут боится?

Народ безмолвствовал. Если накинута толпой, не отбиться, как-то отстраненно подумал Семен, однако никто в драку пока не лез. Видимо, мелкую подлость своего односельчанина по отношению к пришлому хаму они принимали как должное. Как военную хитрость или еще что-то в этом духе.

Но вот толпой бить одного совесть не позволяла. Или обычай. Или еще что-нибудь. В общем, не набросились, и это главное.

Додумать эту мысль Семен не успел. Словивший удар в челюсть парень сел, дотронулся рукой до лица и болезненно сморщился. А потом встал, рывком вытащил из-за голенища щегольского сапога короткий узкий нож и, ни слова не говоря, пошел на Семена.

Вот это с его стороны было уже откровенной глупостью. По мнению Семена, оружие в такой ситуации автоматически снимало любой намек на джентльменское поведение, а раз так...

Удар... Быстрый, ловкий, но не слишком техничный. Уклониться несложно. В ответ Семен достал противника между большим пальцем левой и большим пальцем правой ноги. Тот закономерно согнулся, и второй удар ногой пришелся в лицо. На том схватка, в принципе, и закончилась, оставалось только подобрать нож и отшвырнуть его в сторону, чтоб другим неповадно было.

Нож смачно воткнулся в столб. Получилось это случайно, однако по толпе пронеслось глубокомысленное «о-о-о», и народ отпрянул. Похоже, именно такого маленького штриха собравшимся и не хватало, чтобы проникнуться... Сзади раздались негромкие раздельные хлопки.

– Неплохо, неплохо, – лейтенант, подойдя, хлопнул Семена ладонью по плечу. – Только я ведь просил ни во что не

ввязываться. Какие же вы, интеллигенты, недисциплинированные. Все, пошли.

Семен окинул взглядом изрядно поредевшую толпу, разыскивая девушку, из-за которой, собственно, и заварилась эта каша, но не обнаружил даже намека на нее. Все правильно, смылась куда подальше, как только жареным запахло. Э-эх... Оставалось только вздохнуть и отправиться к дому, послужившему им временным пристанищем. Спать.

Звездюлей он получил утром. По полной программе. И за то, что отправился на прогулку, хотя прямого запрета на это вроде бы не было. И за то, что влез в драку. И за то, что подпортил репутацию – так бы, глядишь, и за дворянина сошел, а раз с простолюдинами драться считаешь незазорным... Впрочем, от последнего как раз удалось отбрехаться. Во-первых, шпага здесь – отнюдь не показатель сословия, наемники каких только экзотических железяк с собой не таскают. Во-вторых, нравы здесь куда как свободные – Россия всеми воспринимается как фронтир, а стало быть, многие условности, в том числе и сословные, со временем смещаются, а то и вовсе стираются. И данное обстоятельство известно всем. Ну, во всяком случае, Семен на это надеялся. Ну и, наконец, последнюю порцию словесных плюх Семен неожиданно для себя получил за то, что девку упустил. Ибо драка из-за конкретного приза – это одно, а просто так, как сейчас, в общем-то, получилось, совсем другое. Проще говоря, бред никому не нужный.

Семен только головой покрутил на выверты лейтенантской логики и принялся натягивать сапоги. Потом надел перевязь со шпагой, завязал бандану, вместо зеркала глянул в кадку с водой – орел! Товарищи вокруг тоже активно облачались, им сегодня предстояла встреча с отцами города, и стоило произвести на них максимально благоприятное впечатление. Лейтенант же продолжал нудеть. Да что на него сегодня нашло?

Как он признался потом, «давило что-то». Бывают у людей предчувствия, чего уж там, и без всякой конкретики. А признание и вовсе запоздало, потому что события вдруг понесли с места и в карьер. Буквально через пару минут думать пришлось о том, чтобы выживать, а не о странностях поведения командира.

– Ляхи! Ляхи! – заорали вдруг с улицы.

– Что за... – Семен бросился к окну и высунулся из него, пытаясь понять, что происходит. Более глупого поступка сложно было ожидать. Зато и увиденное заставило его открыть рот от изумления. По улице мчались... ангелы.

То, что это не явившиеся из церковно-фантастического романа плоды чьей-то нездоровой фантазии, а имеющие совершенно идиотский доспех польские гусары, Семен понял через пару секунд. К тому времени он уже валялся на полу, о который хорошенько приложился спиной, а отбросивший его от окна лейтенант в свою очередь выглядывал наружу. Осторожно так выглядывал, потом обернулся, выматерился

зло и в то же время беспомощно:

– Их там до хрена. Валим отсюда, быстро, быстро...

Повторять два раза не пришлось, благо совсем уж конечных идиотов здесь не наблюдалось, и в следующий момент вся четверка, грохоча сапогами по лестнице, быстрее молнии скатилась вниз. Хозяева, как раз севшие за стол (у них что, второй завтрак, что ли, намечался?), с удивлением глядели на гостей. Челюсть у хозяина отвисла, еще недавно это вызвало бы смех, а сейчас лишь раздражение тупостью местных обывателей.

– Ляхи. Бегом в город, а то всех порубят, – рявкнул лейтенант. – Чего расселись? Бегом!

В принципе, его слова и последовавшие за ними эмоциональные выражения сдвинули дело с мертвой точки, но к улучшению ситуации не привели. То есть хозяин дома начал двигаться осмысленно, а вот его жена, напротив, заметалась, хватаясь то за одно, то за другое и не зная, что делать. Паника при ее габаритах выглядела не только смешно, но и жутковато – такая махина и затоптать могла. А главное, вслед за ней запаниковали и начали метаться дети.

На восстановление порядка ушло минуты три. Драгоценное в такой ситуации время. Семен бы предпочел, не мудрствуя лукаво, валить отсюда, оставив хозяевам возможность решать свои проблемы самостоятельно, но лейтенант почему-то придерживался иного мнения. Ну и результат оказался закономерен – к тому моменту, когда удалось навести хоть

какой-то порядок, в дверь уже бухали чем-то тяжелым. Хорошо еще, кто-то догадался заложить дверь тяжелым деревянным брусом-засовом, но такая защита давала лишь короткую отсрочку, и Семену это абсолютно не нравилось.

А вот лейтенант, напротив, словно бы попал в родную стихию. Движения стали четкими, экономными, на лице появилось жутковатое подобие улыбки. Выглянув в окно, небольшое, пропускающее минимум света и не обладающее даже намеком на стекло, он довольно хмыкнул, вытащил из кармана «эфку» и бросил ее наружу. Ф-1 – граната старая, но надежная и убойная, хлопнула вроде и негромко, однако тем, кто снаружи, для охлаждения боевого пыла оказалось достаточно. Кто-то заорал, кто-то взвизгнул, словно женщина, увидевшая крысу, раздалась громкая ругань на разных языках... А в это время Александр, распахнув дверь, с чувством глубокого морального удовлетворения поприветствовал собравшихся из автомата, и на том, в принципе, с решившими зайти на огонек без приглашения хамами было покончено.

– Бегом! Бегом!

Лейтенант первым выпрыгнул во двор, перекатом ушел в сторону, за ним последовал Виктор, второй его подчиненный. Семен чуть замешкался и получил для ускорения пинок под сиденье от меняющего магазин Александра. Шипя, как рассерженный кот, он выбрался наружу, не так ловко, конечно, как профессионалы, но все же достаточно быстро, и последовал за лейтенантом. Ну а следом на свет божий на-

чали выбираться гражданские.

— Никого не забыли? Отлично, — голос лейтенанта звучал ровно, без эмоций. — Берете людей и уходите в город.

— А ты?

— А я, если кто сунется, придержу их здесь, дам вам время, чтобы уйти. Все, бегом, некогда болтать.

Народ послушался незамедлительно. Все, кроме Семена — у него, в отличие от товарищей, не было вбитого в подкорку рефлекса на выполнение любых приказов, а адреналин подавлял страх. Перехватив удивленно-злой взгляд лейтенанта, он на секунду опередил его со словами:

И долго ты здесь один продержишься? А в два ствола мы кого хочешь прищучим.

— Идиот. Займи позицию вон там, у пленницы, и без команды не стрелять!

Это хорошо, что командиру хватило ума не качать права, настаивая на выполнении приказов, когда на это просто не было времени. И позиция, которую он определил незваному помощнику, была чудо как хороша. С улицы не видать, с тылу обойти сложно, зато отсюда простреливалось довольно обширное пространство, да и происходящее вокруг неплохо видно. А посмотреть, кстати, было на что.

Большинство мужиков, живших в этом посаде, оказались не робкого десятка и в панику впадать не спешили. Оправившись от первой заминки, вызванной неожиданностью нападения, они встретили поляков достойно. И ведь не могли

не понимать, что обречены, враг был изначально сильнее – и многочисленнее, и лучше обучен-вооружен. Тем не менее для местных это не выглядело поводом для бегства, и они отчаянно сопротивлялись, выгадывая женам и детям лишние минуты для отступления к городским воротам. Даже крыса, загнанная в угол, может броситься на кошку, а человек, способный прибавить к ярости обреченного работающие в лихорадочном, подстегнутом опасностью темпе мозги, превращается в грозного противника.

На глазах у Семена какого-то ляха, не того, с крылышками, их-то как раз не наблюдалось, а поплоше, бодро несущегося по улице и размахивающего архаичной кривой саблей, багром сдернули с лошади и тут же в три дубины приговорили. Товарищ павшего кавалериста рванул из-за пояса жутковатого вида пистоль, но применить свою карманную гаубицу не успел. Какой-то парень взвыл по-волчьи, испуганная кобыла встала на дыбы, молотя перед собой пудовыми копытами, и прежде, чем всадник успел ее осадить, он и сам получил вилами в бок, как раз чуть пониже кирасы. Еще одного сбили на землю прямо с лошадью – неприметного вида мужик, тем не менее, ухитрился опрокинуть ни в чем не повинное животное одним толчком. Из окна какого-то дома вылетела арбалетная стрела, смахнув очередную жертву...

Поляки не были трусами, но и идиотами назвать их тоже не получалось. Живо сообразили, что на довольно узкой улице, не позволяющей коннице развернуться, они умоются

кровью. Разворот... У Семена челюсть отпала, о таких чудесах вольтижировки он и не слышал. Выстрелы, свист сабель – и кавалерия вырвалась из опасной зоны. Наступил черед пехоты.

Опытные, слетевшиеся на эту войну как вороны на падаль со всех концов Европы головорезы работали грамотно. Да, на любом из наемников пробы ставить было негде, зато драться это отребье умело. Откровенно говоря, едва ли не лучше, чем солдаты далекого будущего, пусть и подготовленные державами, способными сжечь половину мира. Регулярная борьба за собственную шкуру – лучший инструктор, и неудивительно, что оборона деревни рухнула почти сразу.

Мощный залп их фитильных (а может, и кремневых, в таких нюансах Семен не особенно разбирался) ружей, архаичных, но притом достаточно эффективных, буквально смел практически всех защитников деревни, которые, воодушевленные успехом, попытались было преследовать поляков. Ну а после этого лихим штурмовикам оставалось лишь дорезать уцелевших, чем они с энтузиазмом и занялись.

Конечно, кое-кто уцелел, закипели стычки, но они были мелкими, эпизодическими. К тому же опытные пехотинцы в рукопашной заметно превосходили хотя и сильных физически, но обычных, ничему всерьез не обученных крестьян. Бывали, правда, исключения – возле наполовину выросшего в землю амбара какой-то мужик, лихо, по-разбойничьи вопя что-то нецензурное, ловко размахивал кривой саблей. На

спины наемникам прыгнул с крыши здоровенный бугай с вилами. Одного приткнул к земле, еще двоих покалечил и успел задушить четвертого прежде, чем его буквально изрубили на куски. А вчерашний противник Семена, тот, что затеял ссору, выскочив из дверей избы с топором устроил такую резню, что, наверное, режиссеры фильмов ужасов сожрали бы от зависти собственные ботинки. Однако это были лишь эпизоды. Численный перевес и большое количество огнестрельного оружия позволили быстро подавить остатки сопротивления. Разве что тот мужик с саблей ухитрился сигануть через высокий, двухметровый забор и смыться. Вслед ему стреляли, но попали или нет, Семен не видел.

От созерцания интересностей его оторвал шепот лейтенанта:

– Все, пошли отсюда. Эх, знать бы раньше... – он не договорил, но и так было ясно. Знай лейтенант заранее, что местные учинят столь активное сопротивление, можно было бы не сидеть здесь, а уходить с остальными, времени оказалось предостаточно. Но – увы, и теперь приходилось догонять, заодно выбираясь из деревни, где по домам уже всю шарили наглые мародеры. Та еще задачка.

Напоролись они случайно. Лейтенант шел очень грамотно, выбирая дорогу по окраине, граничащей с оврагом. Там место было далеко не самым удобным, а потому ничего удивительного, что в многочисленных, но невзрачных домишках, теснившихся на отшибе, жила местная беднота. Они да-

же и бежать-то пытались не все – Семен несколько раз видел бледные от страха лица у окошек. Идти здесь было далеко, но, как считал лейтенант, безопасно – уж сюда-то поляки полезут в последнюю очередь. Нечего здесь грабить, есть дома побогаче. Разве что за бабами, но это только когда окончательно займут деревню. Все же любой грамотный командир постарается обезопасить себя от неприятностей, а наемники, несмотря на разношерстность, дисциплину в целом блюли. Следовательно, какое-то время имелось, просто требовалось использовать его с умом.

Они уже почти выбрались, когда нарвались на Егорушку. Это местного юродивого, или, по-простому, дурачка так звали. Его им еще вчера вечером показали. Ну, чудик чудиком, грязное, верещащее по любому поводу мурло. И ведь, главное, никто не пытался вложить в его голову хоть крупицу мозгов, хотя бы даже посредством хорошего пинка под зад. Не принято это, видите ли. Идиотизм, конечно, ну да в чужой монастырь со своими бабами...

Вот с этим вонючим созданием они и столкнулись. И оно, что характерно, заверещало, прыгая вокруг и тыкая в них пальцем. Наплевать ему, что вокруг творится, весело чудику, видите ли... Лейтенант походя, крутанув автоматом, припечатал его прикладом в челюсть. От удара тяжелой, приспособленной для рукопашного боя деревяшки Егорушку приподняло и отшвырнуло в сторону. Шикарное и приятное для глаз зрелище. Вот только действие это оказалось запозда-

лым.

На вопль юродивого, несмотря на затихающий шум боя, кто-то все же обратил внимание, и с десятков поляков, выскочив из-за соседнего дома, бросились в их сторону. Кто-то даже пальнул, не очень метко – пуля со звучным чавком ударилась о подгнившее бревно соседней избы. Ну да из той дуры, что здесь считается ружьем, даже такая точность уже немалое достижение. Лейтенант, коротко матюгнувшись, вскинул автомат и как на полигоне полоснул по бегущим очередью. Семен сделал то же самое, разве что, будучи гражданским специалистом, замешкался на полсекунды. В два автоматических ствола положить местных кадров оказалось совсем просто, но им на помощь уже бежали, привлеченные звуком стрельбы, другие кандидаты в покойники, стучали лошадиные копыта, и по всему выходило, что драться с толпой пришельцам из будущего совершенно не с руки.

– Ходу! – лейтенант дернул Семена за рукав, и они бросились в проем между домами.

Перемахнули старый, покосившийся забор, форсировали чей-то уже изрядно потоптанный огород и залегли за наполовину вросшим в землю амбаром. Позади них раздался приглушенный расстоянием и строениями мерзкий визг юродивого, сменившийся бульканьем и руганью на непонятном языке – похоже, Егорушка не нравился сегодня многим.

– Урод, – безразлично прокомментировал Семен. – Гляжу я на таких, которых церковь привечает, и начинаю понимать

большевиков.

– Тише ты, – шикнул на него лейтенант.

Семен задумался на секунду и заткнулся. Действительно, не стоило из-за ерунды давать противнику лишнюю возможность себя обнаружить.

Пожалуй, у них были неплохие шансы отсидеться. Несмотря на многочисленность противника, найти кого-то в незнакомом месте довольно сложно. К тому же поляки не слишком горели желанием вместо грабежа, приятного сердцу для любого местного солдата, заниматься охотой на столь кусачую дичь. Все же трупы самых шустрых, оказавшихся не в то время и не в том месте, действовали отрезвляюще. Начальственный рык командира, правда, гнал их вперед, но энтузиазмом никто не пылал. Да и, судя по громким возгласам, призванным скорее дать беглецам возможность смыться и тем самым избежать боя, чем реально необходимым, погоня ощутимо забирала влево. Однако сегодня незадачливым хроноразведчикам определенно не везло.

– Дяденьки, а вы кто?

Девочка была прямо как с картинки. Лет четырех или пяти, русая, в платочке, одета небогато, но опрятно. Прямо хоть фотографируй да на обложку книжек с русскими народными сказками вставляй. И из-за возраста еще дура дурой, поскольку не только не сообразила, что происходит, но и, повернувшись, заорала:

– Мама, мама, смотри...

Что там она хотела показать матери, дослушивать никто не стал. Просто бросились прочь. Стукнуть бы ее по башке, да и вся недолго, но все же ребенок, да еще русский... Словом, ретировались и, что закономерно, были почти сразу замечены.

Азартные крики раздались неожиданно близко. Впрочем, полякам сразу же пришлось задуматься, не слишком ли быстро они бегут. Лейтенант в два счета отправил наиболее шустрых на встречу с предками, все же автомат – это вещь! Остальные бросились в укрытия, и велик был соблазн продемонстрировать им, что современные пули способны доставать их где угодно, вот только времени не было. Пришлось дернуть прочь, стараясь оторваться от погони, и это почти удалось. Вихрем пронеслись по улице, где еще несколько минут назад их сдал юродивый. Вот, кстати, и он сам, лежит, башка разрублена почти пополам, саблей, наверное. Закономерный конец, но размышлять на тему «Бог – он все видит» не было времени. Прыжками форсируя заборы, они бежали к лесу.

Удача окончательно решила продемонстрировать Семену внушительную пятую точку буквально на последних метрах их суматошного бега. Лейтенант, будучи в лучшей форме, оторвался шагов на двадцать и уже нырнул под спасительные ветки густых, с темными иглами елок, а Семен, перепрыгивая через последний забор, оперся о кажущуюся надежной жердь. Та неожиданно с хрустом переломилась, и потеряв-

ший равновесие беглец с размаху ударился головой об очень некстати подвернувшуюся деревяшку.

Терял ли он сознание, Семен так и не понял, но, когда наконец стал соображать, враги были уже совсем рядом, а автомат, напротив, валялся где-то в стороне. Наверное, стоило попытаться отбиться из пистолетов, но рука автоматическим жестом нащупала шпагу, и в следующий момент Семен обнаружил, что стоит лицом к лицу с шестерыми противниками. Остальные бросились к лесу, ловить успевшего скрыться лейтенанта, а эти, очевидно, решили, что справятся и сами. Весьма опасное рассуждение, как-то отстраненно подумал Семен, привычно взвешивая в руке оружие. Наверняка враги опытнее, но за ним школа, обогнавшая местную на несколько столетий, и чьи шансы предпочтительнее, еще надо подумать.

– Бросай шпагу, москаль...

Как ни странно, эти слова, произнесенные с чудовищным акцентом, он понял моментально.

Его противники, судя по всему, ни на миг не сомневались, что численный перевес дает им право командовать. Не сомневались они и в том, что приказ их будет выполнен. Ага, щ-щас. Хлопнув левой рукой с зажатой в разом вспотевшем кулаке дагой по бицепсу правой, Семен одним интернациональным жестом объяснил полякам, кто они такие и куда им следует идти. Он не боялся пшеков там, в своем времени, не считал нужным делать этого и здесь. Правда, разозлил он их

наверняка...

Все эти мысли вихрем пронесли в его голове, а тело уже работало, и, неожиданно для численно превосходящего врага, Семен атаковал. Тот умник, который требовал сдаться, был на шаг впереди остальных и стоял очень удобно. Наверное, он считал, что находится на безопасной дистанции, и совершенно не учел, что прямая шпага испанского образца значительно длиннее привычной ему сабли. Вряд ли он, безжизненной грудой костей оседая на землю, успел понять, что же произошло, когда рядом заверещал его товарищ. Ему «повезло» больше – успел среагировать, попытался заблокировать удар, но не слишком удачно. Крестовина сабли, в отличие от развитого эфеса шпаги, весьма посредственная защита, так что этот кадр выбыл из боя, лишившись трех пальцев. Ну а потом остальные, сообразив, что их наглым образом убивают, подбадривая себя громкими воплями, ринулись в атаку. И завертелось!

Это только кажется, что в раскладах «четверо против одного» результат предрешен. На самом деле противник по-настоящему опасен, только когда умеет работать группой. В случае же, если каждый сам за себя, бороться с ними вполне можно, что Семен и продемонстрировал. Не дал взять себя в кольцо, легко разорвал дистанцию и держался так, чтобы не иметь против себя более двух противников. Последнее, учитывая, что поляки мешали друг другу, оказалось несложно. Правда, оставался шанс, что они, сообразив, что к чему,

сумеют атаковать согласованно, однако именно этого Семен им сделать не дал.

Первого врага он положил легко. Не потому, что поляки были неумехами или плохими бойцами – просто они привыкли рубиться, школа же Семена предписывала менее зрелищные, но более эффективные действия. Неудивительно, что первого из поляков он поймал на замахе. Доспехов на нем почему-то не было, и шпага проткнула нахала легко, словно кусок масла. Правда, Семен после этого и сам едва успел отскочить – товарищ свежееубиенного бросился вперед и едва не оттяпал ему руку. Ну и ладно. Уйти в сторону, не блокировать удар жестко, а отвести его, спустив вниз и вбок. Поляк чуть нырнул вперед, и этого оказалось достаточно. Сократить дистанцию, ударить в шею дагой – и остаться уже против всего двух противников, удивленно переглядывающихся и не въехавших пока в ситуацию. Все правильно, с начала боя не прошло и минуты.

Но они не были трусами. Мерзавцами – возможно, захватчиками – несомненно, но никак не трусами. Заорав, поляки дружно бросились в атаку. Ну что же... Семен убил их обоих, спокойно и не торопясь, как на тренировке. Окинул взглядом дело рук своих. Ляпота! Можно забирать автомат и сваливать.

– Неплохо, неплохо...

На этот раз акцент был не польским. Даже не немецким – фрицев Семену и у себя дома не раз слышать приходилось.

Развернувшись, он с удивлением обнаружил высокого, почти одного с ним роста человека в потрепанной, но некогда явно богатой темной одежде. И вооружен он был почти так же, как и сам Семен. Длинная шпага, дага... Разве что эфесы оружия были еще более развитыми, да кинжал на половину ладони длиннее.

– Тебе чего, дядя? На тот свет торопишься? – адреналин, уже привычно булькающий в крови, не способствовал вежливости.

– Нет. Просто давно не встречал достойного противника и уже заскучал, а тут такой подарок небес. Защищайся!

Ну, защищаться – значит, защищаться. Семен с интересом наблюдал за тем, как его новый противник двигается. Мягко, по-кошачьи, и при этом выглядит очень спокойным. То, что тот, приблизившись, начал мягко обходить хроно-разведчика по кругу, Семена не смутило. Подобная тактика была весьма распространена в испанской и итальянской школах фехтования, а может, и еще где-то. Ничего нового, сейчас он...

Что сейчас, додумать Семен так и не успел. Выпад противника, неожиданно быстрый и сильный, он едва не прозевал, но все же отбил. А в следующий момент в голове будто вспыхнуло солнце, ноги подкосились, и Семен, теряя сознание, осел на землю.

Сознание возвращалось медленно и мучительно, вместе с тошнотой и головной болью. Вдобавок ресницы слиплись, а

протереть глаза не было никакой возможности – руки оказались связаны за спиной. Грамотно связаны, кстати – вроде и не давит нигде, и освободиться не получается. Пришлось раскрывать глаза естественным, так сказать, путем. Семен чуть не взвыл, открывая, а потом вновь едва удержался от вопля, так по ним резанул свет.

Самое обидное, свету того на поверку оказалось чуть. Чахоточный солнечный лучик с трудом пробивался через крохотное оконце и разбивался о черную, закопченную стену. По этой стене, покрытой многолетним слоем сажи, Семен и определил, что находится в какой-то бане. Видать, притащили и бросили, не забыв припереть дверь. Впрочем, он и без того вряд ли смог бы сбежать – мутило так, что Семен не мог сфокусировать зрение на чем-то одном, все плыло перед глазами, будто на волнах.

Когда за ним пришли, пленник уже оклемался. Не то чтобы совсем, но стоять оказался способен, и в дверь, широкую, но по-банному низкую, вписался, не обтесав макушкой притолоку, что выглядело серьезным достижением. Затем по глазам снова резануло дневным светом, так, что пришлось зажмуриться, но толчок в спину дал понять, что задерживаться не стоит, и Семен покорно зашагал вперед, гадая, что его ожидает, и понимая в душе, что ничего хорошего точно.

Надо сказать, пока что гнали его без особого зверства. Так, слегка тыкали время от времени в спину кулаком, чтобы пошевеливался, но и только. В его положении меньше, чем

ничто. Едва ли не больше проблем доставляло отсутствие сапог – их уже кто-то стянул, и непривычным к босоногим пробежкам конечностям изрядно доставалось. Терпимо, конечно, но неприятно.

Провалился он, как оказалось, долго – солнце уже клонилось к закату. Народу на улице практически не было, только ходили надутые, как индюки, поляки (и не только поляки – судя по говору, сюда собралось отребье со всей Европы, и суржик, на котором они общались, поставил бы в тупик любого филолога). Ну, ничего удивительного – те, кто захотел и успел сбежать, были уже в городе, а остальные сидели по домам и не высывались – авось не тронут. Наивные. Вон, трое орлов, изрядно пообтрепавшихся в походах, зато при оружии, тащат какую-то молодку. Для чего – понятно, куда – не важно. Баба вырывается и орет. Толку-то с тех воплей...

За очередным поворотом обнаружился тот умник, что оглушил Семена. Правда, узнал он его далеко не сразу. Обычный мужик, худощавый и жилистый, сидел на завалинке и аккуратно водил точильным камнем по клинку. Шворк, шворк... Звук этот привлек внимание Семена, и, так получилось, вначале он узнал оружие, а затем уже его владельца. Ну а когда узнал, то остановился настолько резко, что один за конвоиров, не успев среагировать, с размаху влетел ему в спину.

– Слышь, командир, – к сожалению, в нынешнем состоянии в голову лезла только манера родного времени, причем

по большей части хулиганистого детства. – Это как ты меня, а?

Точильщик не обиделся. Только поднял глаза и безразлично пожал плечами:

– Ты неправильно двигаешься. Совсем неправильно, – и вернулся к прежнему занятию. Шворк, шворк... А переспросить Семен уже не успел – конвоир, сообразивший, что здесь что-то не так, и разозлившийся, с чувством врезал ему кулаком в спину. Семен едва удержал равновесие и, забыв про свои хотелки, шустро зашагал в указанном направлении, благо идти оказалось недалеко.

Польские главнюки, как и следовало ожидать, оккупировали самый большой дом, где наверняка строили коварные планы по захвату города, страны, планеты и, в перспективе, вселенной. Ну, чем там положено заниматься злодеям. А если по-простому, то сидели и пили – запах паршивой местной браги Семен почувствовал, еще только подходя к крыльцу.

Тем не менее, сколько бы они ни выпили, ясность мысли никто не потерял. Это Семену пришлось испытать на собственной шкуре. Конвоиры, толкнув его в комнату, сразу же убрались куда подальше, оставив пленного один на один с неприятностями, и пришлось стоять, как сосна на горной вершине, а местные отцы-командиры изучали Семена внимательными, не злыми, а, скорее, безразличными глазами. И от этого безразличия становилось еще более неприятно.

Их было двое. Один – среднего роста мужчина, одетый в

простую, даже на вид удобную одежду. Простую-то простую, зато сшитую из дорогой ткани, это было видно невооруженным глазом. Он сидел и спокойно ел, ухитряясь делать это настолько вкусно, что у Семена предательски заурчало в животе. Рядом сидел, привалившись к бревенчатой стене и прихлебывая из глиняной посуды какую-то полужидкую кашу, священник. А может, монах, черт их разберет. Не православный, конечно, а вот католический или протестантский – хрен поймешь. Во-первых, одежда истрепана, а во-вторых, будь она даже в идеальном состоянии, Семен все равно не разбирался в нюансах покроя. Так что это с одинаковой вероятностью мог быть и католик, поскольку в Польше это течение христианства вроде бы основное, и протестант. Как-никак среди наемников много немцев, а там своя церковь и свои понятия для падре. В общем, обычный походный священник, наверняка не трус и не дурак. Трусы – они в походы не ходят, а дураки не пользуются авторитетом. Этот же, раз сидел здесь и вел себя по отношению к командиру (а кем же еще мог оказаться его сотрапезник) без малейшего подбострастия, что воспринималось как должное, авторитетом как раз мог похвастаться. В общем, опасный тип, и Семену он совершенно не понравился.

Кстати, отсутствием осторожности эти двое тоже не страдали – руки у Семена так и остались связанными. Оставалось лишь мысленно пообещать устроить этим умникам сюрприз и сосредоточиться на предстоящем общении. В том, что оно

будет, Семен не сомневался – зря его, что ли, сюда пригнали...

Между тем предводитель наемного воинства закончил наконец трапезу и соизволил обратить внимание на пленного. Точнее, продемонстрировали, что обратили внимание. Пауза, театральная, но, на взгляд Семена, избыточно затянутая, и вопрос:

– Откуда ты и зачем пришел?

Ни имени, ни фамилии не спросили, и было это паршивым признаком. Не хотят, значит, забивать голову бесполезной информацией. А это, в свою очередь, означает, что шансы оказаться прикопанным где-нибудь в овраге в перспективе очень велики. Хотя, может, здесь другие нравы?

Обдумывая этот вопрос, Семен выдержал слишком длинную паузу и поздно сообразил, что это могут принять за желание поиграть в несгибаемого партизана. Поляк встал, не спеша, вразвалочку подошел к нему – и в следующий момент Семену показалось, что в животе у него разорвалась бомба. Удара он не увидел, поляк даже не замахнулся, но следующее, что сумел запечатлеть мозг, были истоптанные доски пола и грязные сапоги у своего лица. Почему-то эти сапоги врезались в сознание сильнее всего, а следом пришла злость.

– Да пошел ты... – и открытым текстом куда, благо жить в России и не знать великого и могучего со всеми его загибами и перегибами сложно.

Это было глупо. Поляк с интересом, по-птичьи склонив

голову к плечу, выслушал мнение о собственной особе, ее появлении на свет, способах размножения, практикуемых родителями, и восхищенно поцокал языком. А потом Семен был избит так, как никогда в жизни.

Вновь соображать что-то он смог лишь минут через пять. Болело... ну, проще сосчитать, что не болело, однако по прошествии совсем небольшого времени стало ясно – били хотя и максимально жестоко, но так, чтобы не нанести серьезных повреждений организму. И поляк, кроме собственно хорошо поставленных ударов, обладал навыками врача. Или палача, что в эти годы значило частенько одно и то же.

Поляк сидел за столом и снова жрал. И куда только в него столько лезет? И что за мысли лезут в голову, переваливаясь в ней, словно булыжники? Впрочем, особенности защитных реакций мозга Семена волновали в последнюю очередь, куда сильнее его заботила медленно уходящая боль.

– Сын мой, я бы советовал тебе больше не сквернословить. Я, как верный служитель Господа нашего, с пониманием и смирением отношусь к грязи, пусть она даже льется из уст схизматика, но гетман – он ведь не такой терпеливый. И он просто ненавидит тех, кто не понимает... – священник говорил и говорил, но Семен уже отключился, заставив голову взяться за обработку информации.

Надо же, оказывается, прием «добрый и злой следователи» известен уже в эти времена. Ничто не ново под этими небесами. Похоже, священник, отложивший в сторону мис-

ку и аккуратно вытерший рот, да еще и говорящий практически без акцента, рассчитывает, что пленный, устрешенный «злым», перед «добрым» запоет, как та Шахерезада. И, надо сказать, на какого-нибудь местного увальня, телевизором и интернетом не искушенного, такое должно было подействовать. Интересно, кстати, откуда этот кадр в рясе? Впрочем, неважно.

Вставать было тяжело, но Семен заставил себя подняться на ноги. Почему? Да потому, что стоило хотя бы попытаться выбраться отсюда. Иначе из него сделают отбивную, но вытрясут все секреты генштаба, даже те, о которых он представления не имел. А потом не поверят и затопчут окончательно. Или поверят, но все равно хлопнут. За ненужностью. А раз так...

Священник, стоявший слишком близко и не ожидавший от избитого, да еще и со связанными руками пленного резких телодвижений, попал под раздачу вне очереди. Бить головой далеко не так легко, как это показывают в боевиках, но уж если умеешь это делать... Семен умел, и в результате, потеряв равновесие, священник сделал два неверных шага назад, споткнулся о лавку и, перевернув ее, с грохотом рухнул на пол. Сверху ему на макушку с глухим стуком грохнулась его собственная миска, которую он, падая, зацепил рукой. Все это Семен отметил краем сознания, потому что сейчас было уже не до того – гетман вскочил, демонстрируя завидную реакцию, и уже тянул руку к сабле. Хорошо еще перед

трапезой он положил ее не на свою лавку, а на соседнюю, о которую споткнулся поверженный монах. И в результате оружие оказалось на полу, а это, в свою очередь, давало секунду форы. Гетман же умел мордовать безоружных, вполне возможно, и рубиться умел знатно, однако японско-китайскому бою ногами его явно никогда не учили. Будь на ногах сапоги – тут бы его история, возможно, и закончилась, но и босиком получилось неплохо. Во всяком случае, в угол гетман летел красиво, и полки на себя обрушил с грохотом.

Руки, по-прежнему связанные за спиной, мешали, но окно, распахнутое настежь, к счастью, позволяло выбраться без проблем даже крупному по местным меркам Семену. Наружу он вывалился, правда, мешком, но ничего себе не сломал и даже почти не ушибся. И в этот момент его увидели.

– Пся крев!..

Что этот поляк здесь делал, Семен не знал и знать не хотел. Подсечь ноги, вбить крик в глотку вместе с зубами... Поздно, поздно! Когда надо, местные вояки умели реагировать с завидным проворством. Во двор ввалился один, получил ногой по гениталиям и сложился, второй – и вылетел обратно, а потом третий, четвертый, десятый. И последнее, что чувствовал Семен перед тем, как провалиться в спасительное небытие, это десяток ног, с чувством обрабатывающих его по всем частям тела.

Очнулся Семен от холода. Колотило так, что зуб на зуб не попадал. А еще он решил, что ослеп. Во всяком случае, пе-

ред глазами стояла полная, совершенная темнота, и лишь через несколько минут Семен понял – дело не в глазах, просто вокруг глухая ночь. Стало быть, несколько часов провалялся, не меньше. Все тело болело так, будто на нем оттанцевал «Лебединое озеро» груженный камнями слон. В общем, вывод следовал однозначный – даже когда Семен потерял сознание, пинали его долго и с чувством. Но аккуратно пинали – опять ничего не сломано, хотя ребра и помяты. Дышать больно, но терпимо. Только голова болит аж до тошноты, сотрясение мозга ему как минимум обеспечили.

Защитная реакция организма – штука хитрая и непредсказуемая. То ли блокируя неприятные ощущения в пострадавшей голове, то ли отвлекаясь от ноющей боли в мышцах, мозг непроизвольно начал анализировать все, что происходило сегодня. Не так и много случилось, надо сказать, так что на-гора результат он выдал быстро. И осознав сделанные выводы, Семен и впрямь отвлекся от сиюминутных проблем. Было из-за чего.

По всему выходило, что убить его должны были как минимум трижды. В первый раз – когда он потерял автомат и вместо того, чтобы достать нормальное оружие, принялся геройствовать с колюще-рубящими железяками. Один против шестерых – и все они имели огнестрел. Изрешетили бы его походя, и делу конец. Однако полезли в рукопашную. Зачем? Семен не видел смысла в их поведении. Впрочем, можно списать нелогичности на шляхетскую спесь и врожденный

дебилизм. Ну и на то еще, что они не ожидали нарваться на противника с такой серьезной подготовкой, как у него. Так что – случайность, принимается. А дальше?

Тот умник, который все же справился с Семеном. Кто он, кстати, и откуда? Впрочем, неважно. Здесь кого только нет. Итальянец, француз, испанец – там всюду были сильные фехтовальные школы, как дуэльные, так и прикладные, хорошо приспособленные для боя толпа на толпу. Семен не льстил себе, он был и остался хорошо натасканным любителем. Против человека, с детства учившегося убивать и закрепляющего уроки в реальном бою, шансы выстоять минимальны. А Семен к началу схватки оказался разгорячен боем и потерял всякую осторожность. Результат закономерен. И возникает вопрос: почему он еще жив?

В бою на длинномерном оружии убить противника легче, чем взять его живьем. Особенно если противник не полный лох, а силен и кусач. Соответственно, и напрягаться с пленением будут, только имея на то веские основания. Ну да ладно, может, совпадение, и противник ему попался из тех, что играют в благородство. Или обет дурацкий на нем висит. Вроде как у Стругацких, где непобедимый дон Румата не имел права никого убивать. Так что совпадение, принимается. Но потом-то, потом!

Когда он бежал от их недоделанного гетмана, его должны были убить при любых раскладах. Конечно, отоварить до потери сознания не ожидающих такой прыти от связанно-

го и избитого пленника самоуверенных мерзавцев не так и сложно. Разумеется, требуется некоторая доля везения, но в общем и целом ничего запредельного. Завалить случайно встреченного на пути солдата, самого обычного, особыми талантами не блистающего, тоже реально. Но затем ввалилась толпа, и они знали, что творится что-то не то. Следовательно, были при оружии и готовы пустить его в ход. А значит, что? Значит, махнул бы первый же поляк саблей, и на том одиссея бравого хроноразведчика могла считаться законченной по причине выбивания главного героя из числа живых. Однако никто оружия в ход не пустил, предпочли завалить возмутителя спокойствия голыми руками, пускай и ценой некоторого вреда для собственного организма. И снова – почему?

Да и когда его, Семена, били, обработку вели явно с расчетом не причинить организму жертвы серьезного вреда. Что гетман, который бил умело и больно, но притом неопасно, что потом озверевшие придурки. Эти, конечно, могли перестараться на голом энтузиазме, но не специально. Иначе затоптали бы, сволочи, и делу конец, к бабке не ходи.

Итак, что мы имеем? Один раз – случайность, два – совпадение, три – правило. И из этого анализа вытекала одна очень интересная мысль. Проще говоря, тому, кто за всем этим стоит, Семен нужен был живым. Морально сломленным – возможно, но обязательно живым. И тут же появлялась куча вопросов, главными из которых были: «кому?» и «зачем?». Ну и приятный бонус – за жизнь можно пока не

опасаться. Правда, остаться живым не значит остаться здоровым, и данное обстоятельство тоже следовало иметь в виду.

Эх, будь свободны руки – можно было бы попытаться устроить полякам КВН и танцы с саблями. Вот только мечты – это всего лишь мечты. Семен уже не чувствовал кисти рук, и это наводило на весьма печальные размышления. А главное, не мог понять, где веревки, чтобы попытаться хотя бы перетереть их. Оставалось только ждать и представлять себе, какой фарш сделает из обидчиков, если... нет, когда освободится. Именно «когда», ведь надежда умирает последней.

На фоне этих вяло текущих мыслей Семен даже не заметил, как впал в странное оцепенение. Не сон, не потеря сознания – он все видел, чувствовал, осознавал, но время текло, как желе, в голове медленно крутились одни и те же картинки. Премерзейшее, кстати, ощущение, но выйти из него никак не удавалось, да Семен и не пытался сил не было. И потому, когда его тряхнули за плечо, это подействовало на него, как удар шокера.

Рот открылся будто бы сам собою, но сказать все, что думает по поводу тех, кто за ним пришел, Семен не успел. Жесткая ладонь предусмотрительно зажала ему рот, и знакомый голос прошипел в ухо:

– Тихо! Тихо, придурок, не ори. Понял? Кивни.

– Сам придурок, – зло пропыхтел в ответ Семен. – Перестань слюнями в ухо брызгать.

Лейтенант чуть слышно хохотнул, потом ловко, в одно движение, разрезал веревку на запястьях. Семен шевельнул руками – и едва не взвыл, но лейтенант вновь зажал ему рот. Болело... Страшно болело. Все же как бы грамотно его ни связывали, проторчать больше половины суток в такой позе со стянутыми руками врагу не пожелаешь. А лейтенант тем временем пластал веревку на ногах.

– Ничего, сейчас пройдет, – он быстро и умело принялся растирать Семену кисти. – Оживешь. Ты не кричи главное.

– Не дождетесь. Как ты меня нашел?

– А я тебя и не терял. Даже твою баталию, когда ты с голой пяткой на шашку полез, наблюдал. Просто собачьей вахты ждал, а то больно много народу по улицам ползало. Ну а как уgomонились – так я и пришел.

– А часовые?

– Какие часовые?

Голос лейтенанта был так безмятежен, что Семен легко представил за ней улыбку в сто зубов и глаза, выражением напоминающие акульки. Действительно, какие часовые, если милосердие лейтенанта выражается исключительно в остроте лезвия. И, кстати, руки все же начали повиноваться, хотя ощущения при этом были непередаваемые. Ноги, правда, отходили быстрее, ну да они и в связанном состоянии находились относительно недолго.

Короткий укол в предплечье... Семен удивленно посмотрел на командира:

– Это что такое было?

– Лекарство. Сейчас тебе станет полегче.

И верно, помогло, причем быстро. Правда, не до конца, но все равно хотя бы на ноги удалось встать. Слишком резко, из-за чего долбанулся головой о низкий, закопченный потолок бани, но сдержался, не выругался, мысленно пообещав себе все припомнить виновникам всех его бед. И, кстати, легкость мыслей в голове появилась невероятная, видать, побочное действие лекарств. Но времени разбираться, что и как, уже не оставалось, пора было сваливать.

Когда ругающийся про себя последними словами Семен и поддерживающий его лейтенант выбрались из бани (петли даже не скрипнули, страшно подумать, сколько масла на них вылили), ночь уже подходила к своему краю, и непроглядная темнота сменилась мутными, но все же несколько более про- ницаемыми для взгляда сумерками, щедро сдобренными туманом. В воздухе, липком и влажном, гасли звуки шагов. А потом из этого сумрака выступила бесформенная серая фигура и махнула рукой – пошли, мол. Лейтенант без раздумий двинулся в указанном направлении, но Семен резко остано- вился и помотал головой.

– Ты чего? – голос лейтенанта звучал донельзя удивленно.

– Оружие. И кое с кем поквитаться очень надо.

– Идиот, – голос лейтенанта прозвучал невероятно уста- ло. – Какое оружие? Валим, пока эти козлы не проснулись.

Семен уже готов был согласиться, умом понимая правоту

командира, но фигура в сером внезапно кивнула, как показалось ему, понимая и, махнув рукой в другую сторону, решительно двинулась вперед. Оставалось только следовать за ней и не показывать виду, что он слышит все те слова, которыми лейтенант его благословляет.

Знакомый дом. До боли знакомый, у Семена разом заныли все многочисленные синяки. Толстый поляк, забив огромный болт на устав караульной службы, дремлет у входа. Семен только сейчас сообразил, что у него при себе нет никакого оружия, но прежде чем успел что-то предпринять, их проводник качнулся вперед. Именно так, качнулся, другой термин к этому удивительно законченному движению подобрать было сложно. И скрывающий очертания фигуры балахон странным образом только подчеркивал это. Миг – и проводник уже прошел мимо поляка. Удивительно, тот вроде бы продолжал сидеть, даже позы не поменял, но его фигура не имела более ничего общего с жизнью. А так все как было, разве что ворот немного потемнел. В какой момент был нанесен удар, откуда проводник извлек и куда спрятал нож, Семен так и не разглядел. И, надо признать, способности их молчаливого спутника производили впечатление.

Эта дверь открывалась куда шумнее, чем в бане, однако легкий скрип никого в городе не встревожил. Дерево неплохо поглощает звук... В сенях, исполняющих роль караулки и освещенных немилосердно коптящим масляным светильником, обнаружился здоровенный детина, который

успел проснуться и даже потянуться за оружием. А еще он открыл рот, чтобы закричать. Разумеется, предаваться столь паскудным занятиям ему никто не позволил. Лейтенант ловко обогнул Семена и тут же отправил обладателя не в меру чуткого сна в лучший из миров. Получилось не хуже, чем у проводника, а может даже и лучше. Во всяком случае, деталей нанесения удара Семен даже не рассмотрел. Оставалось лишь вздохнуть завистливо да посетовать мысленно на убогость собственной подготовки.

Гетман обнаружился через три двери и еще одного убитого часового. Храпел, зараза, так, что Семен мысленно посочувствовал его жене. Неудивительно, что он не слышал приближающуюся смерть, и открыл глаза, лишь когда в рот ему начали запихивать кляп из его же собственной портянки.

Тихо, – голос лейтенанта был настолько приторным, что Семен посочувствовал пленному. С таким голосом только смертные приговоры зачитывать. – Я задаю вопросы – ты шепотом отвечаешь. Или красиво запоешь, – нож лейтенанта чуть сместился и чувствительно, даже сквозь одеяло, ткнул гетмана пониже пояса. – Не разочаруй меня, дружок.

Причиндалы гетману были дороги. Не иначе как память... Во всяком случае, запираяться он не пытался. Увы, знал этот певчий птах совсем немного, куда меньше, чем положено бы командиру, что наводило на определенные мысли в отношении его реальных возможностей и полномочий. Тем не менее кое-что он все-таки рассказал, пищу для размышления

подкинул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.